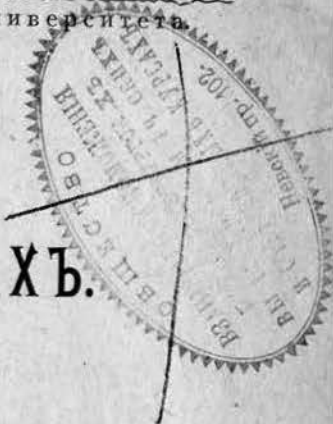

Н. К. Кольцовъ.

Приватъ-доцентъ Московскаго Университета.

ДБ
420
—
К 62

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ.

Жертвы изъ среды московскаго студенчества
въ октябрскіе и декабрскіе дни.

№ 853

Доходъ съ изданія поступаетъ въ комитеты по оказанію помощи
заключеннымъ и амнистированнымъ.

МОСКВА

1906

5 8/15

П. П. АРХАНГЕЛЬСКИЙ, студентъ 3 курса естеств. отд. Моск. Университета. Убитъ 18 октября во время казацкой засады у манежа.

С. А. ЗАХАРОВЪ, студ. 3 к. естеств. отд. Моск. Университета. Убитъ тогда же.

Б. С. СЕВЕРЬЯНОВЪ, студ. 1-го курса Инженерного Училища. Убитъ тогда же.

П. СОКОЛОВЪ, студентъ Университета (?). Убитъ тогда же.

В. АЛЕКСЬЕВЪ, ученикъ 6-го кл. I гимн. Убитъ тогда же.

Р. I. ПЕТЕРСЪ, ученикъ 4 кл. Алексѣевского Коммерческаго Училища. Убитъ тогда же.

Н. Я. ЛОПАТИНЪ, студентъ 1-го к. Техническаго Училища. Сброшенъ толпою въ Москву-рѣку съ Каменнаго моста 21 октября.

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ 21 октября на Дмитровкѣ въ трамваѣ (Р. С. № 278).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ близъ Моховой 21 октября по показанію Чиновника въ № 278 Р. В.

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ 21 октября въ Дорогомиловѣ въ трактирѣ Розанова (Р. В. № 278).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ 21 октября около манежа въ 8 ч. веч. (Н. Д. № 8030).

МОСКВА,

Типографія Ф. Я. Бурче, Кудринская пл., д. Курносовыхъ
1906.

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Трупъ найденъ у памятника Пирогова 22 октября.

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ 22 октября на Дмитровкѣ (Р. В. № 279).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ 22 октября на Долгоруковской ул. (Р. В. № 279).

О. М. ГЕНКИНА, студентка 3-го курса Медицинскаго Института. Убита на ст. Иваново близъ Москвы 16-го ноября.

К. П. РОМАНОВЪ, студентъ С.-Петербургскаго Технологическаго Института. Убитъ въ манежѣ 12 декабря.

Н. А. ДУДАРЕВЪ, студентъ университета, санитаръ. Убитъ 13-го декабря въ Каретномъ ряду.

Е. В. БОГОСЛОВСКІЙ, студентъ-медикъ, санитаръ. Убитъ 13-го декабря у Страстнаго монастыря.

М. ЛУНЦЪ, студентъ Московскаго Университета 1-го к. Убитъ въ манежѣ 14 декабря.

ЦѢХАНОВСКІЙ, студентъ университета. Убитъ въ манежѣ.

ИЛЬЯ ХИРОЛИ, студентъ математ. отд. Московскаго Университета. Убитъ на Большой Бронной.

Д. МОИСЕЕВЪ, студентъ юридич. фак. Московскаго Университета. Убитъ у Горбатаго моста 17 декабря.

Л. Г. КАБАКИДЗЕ, студентъ Московскаго Университета. Убитъ у Горбатаго моста.

А. М. ГРИГОРЬЕВЪ, студентъ Инженернаго Училища. Убитъ на Прохоровской фабрикѣ 19 декабря.

МОИСЕЕВЪ, студентъ. Убитъ на фабрикѣ Брея 19 декабря.

А. САПОЖКОВЪ, студентъ. Убитъ 18 декабря въ Голутвинѣ.

ДВА НЕИЗВѢСТНЫХЪ СТУДЕНТА. Убиты на Прѣснѣ (Н. Д. № 8077).

ЧЕТЫРЕ НЕИЗВѢСТНЫХЪ СТУДЕНТА. Убиты у Горбатаго моста (Р. Л. № 335).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Убитъ у Проточнаго переулка (Р. В. № 328).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ 1-го курса юридическаго факультета. Убитъ близъ Проточнаго переулка (Р. Л. № 335).

НЕИЗВѢСТНЫЙ СТУДЕНТЪ. Засѣченъ и убитъ у Горбатаго моста по описанію Н. Кириллова въ № 6 „Русь“.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мы живемъ въ такое кипучее время, и такъ быстро смѣняются впечатлѣнія одно ярче другого, такъ притупляется самая способность воспринимать и задерживать ихъ, что нерѣдко слишкомъ скоро исчезаютъ изъ нашей памяти факты, которые, казалось бы, не могутъ, не должны быть забыты. Къ числу такихъ фактовъ, которыхъ мы не въ правѣ позабыть, относятся и многіе изъ описанныхъ ниже. Тотъ, кто привыкъ слѣдить за текущею жизнью, найдетъ на этихъ страницахъ мало новаго: моя статья почти цѣлкомъ составлена изъ хорошо всѣмъ извѣстныхъ газетныхъ вырѣзокъ. Однако, послѣднія разбросаны по разнымъ изданіямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя въ „дни свободы“ не представлялись въ цензуру, а потому отсутствуютъ даже въ такихъ книгохранилищахъ, какъ библіотека Московскаго Румянцевскаго Музея.

Моя статья была еще въ февралѣ подготовлена къ печати, но въ то время мнѣ не удалось опубликовать ее. Я печатаю ее теперь въ томъ видѣ, въ какомъ она въ свое время была прислана въ редакцію одного прекратившагося изданія, и лишь во второй части я допустилъ одну вставку—изъ вышедшаго въ маѣ № 8 газеты „Дѣло Народа“. Я буду благодаренъ всякому, кто пожелаетъ указать мнѣ замѣченныя имъ въ этой статьѣ неточности или пропуски, или же пополнить собранные факты такими матеріалами, которые до сихъ поръ не попали въ печать.

Ник. Кольцовъ.

28 мая 1906 года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Московский университет всегда игралъ выдающуюся роль въ освободительномъ движеніи. Каждый годъ вырывалъ изъ университетской среды новыя жертвы — принимавшихъ то или иное участіе въ этомъ движеніи. И профессора, и студенты изгонялись, заточались въ тюрьмы, уходили въ ссылку. Къ этимъ разнообразнымъ мѣрамъ пресѣченія и наказанія министр Боголѣповъ прибавилъ еще одну: слачу студентовъ въ солдаты; за примѣненіе этой мѣры Боголѣповъ былъ убитъ также питомцемъ московскаго университета Карповичемъ, который до послѣдняго времени сидѣлъ въ Шлиссельбургскомъ замкѣ, а теперь сосланъ въ сибирскіе рудники. И. Каляевъ, казненный 10 мая 1905 г. былъ одно время студентомъ московскаго университета: его помнятъ въ медицинскихъ лабораторіяхъ... Кто подсчитаетъ, сколько сотенъ, сколько, можетъ быть, тысячъ жертвъ было вырвано изъ среды московскаго университета за послѣднія десятилѣтія? Есть ли возможность сохранить ихъ полный списокъ для исторіи?

Начиная съ конца 1904 года репрессіи противъ московскихъ студентовъ за участіе въ освободительномъ движеніи принимаютъ особенно мрачный, кровавый характеръ. 5-го декабря этого года группа студентовъ и курсистокъ пыталась устроить мирную манифестацію съ красными флагами по Тверской, но была остановлена полицейскимъ рядомъ и жестоко изрублена пашками, а затѣмъ избита нагайками. На другой день казаки, жандармы и полицейскіе избивали толпы народа, собиравшіяся въ разныхъ частяхъ города на улицахъ и площадяхъ. Въ такихъ размѣрахъ это

было первое боевое крещеніе Москвы, и оно страшно взволновало общественное мнѣніе. Совѣты высшихъ учебныхъ заведеній и отдѣльныя группы преподавательскаго персонала въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ требовали судебного разслѣдованія и наказанія виновныхъ чиновъ полиціи. Группа присяжныхъ повѣренныхъ собрала обширный матеріалъ весьма тщательно провѣренныхъ показаній, которыми было установлено, что за два дня пострадало свыше ста лицъ болѣе или менѣе тяжело раненыхъ, преимущественно студентовъ и курсистокъ. Московское общество главнаго виновника этихъ событій видѣло въ лицѣ оберъ-полицеймейстера Трепова, который и дѣйствительно, очевидно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, былъ немедленно отозванъ изъ Москвы; въ газетахъ сообщалось, что онъ командированъ на Дальній Востокъ, въ дѣйствующую армію... Но подошло 9 января; политика „довѣрія“ вмѣстѣ съ кн. Святополкъ-Мирскимъ потерпѣла крушеніе, Треповъ былъ возведенъ въ санъ петербургскаго генералъ-губернатора и донинѣ этотъ „по воспитанію вахмистръ и городской, а по убѣжденію погромщикъ“ *) остается однимъ изъ вершителей судебъ Россіи. Матеріалъ, собранный присяжными повѣренными, сохранился для исторіи, а потерпѣвшіе студенты превратились въ обвиняемыхъ и обвиненныхъ.

Политика „довѣрія“ не стоила по крайней мѣрѣ жизни ни одному изъ членовъ нашей университетской семьи. Убийства начинаются въ широкихъ размѣрахъ съ момента появленія манифеста 17-го октября, этой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, русской „конституціи“, гарантирующей „дѣйствительную неприкосновенность личности“.

Въ мою задачу не входитъ останавливаться подробно на той роли, которую студенчество играло въ освободительномъ движеніи 1905 года. Напомню только, что политическая забастовка впервые была проведена въ началѣ февраля именно студенчествомъ московскаго университета, — подъ резолюціей общей сходки подписалось около 3000 студен-

*) Выраженіе депутата Государственной Думы, бывшаго губернатора и товарища министра внутреннихъ дѣлъ кн. Урусова въ засѣданіи Думы 8-го Юня.

товъ *). Теперь никто не станетъ отрицать, что эта забастовка сыграла важную историческую роль, какъ особенно яркій протестъ противъ кровопролитія 9-го января, протестъ, привлекавшій къ себѣ напряженное вниманіе со стороны разныхъ слоевъ общества — отъ министровъ до рабочихъ. Еще менѣе вправѣ былъ бы кто либо отвергать историческое значеніе за студенческимъ движеніемъ въ сентябрѣ—октябрѣ 1905 года — періодъ, который можно назвать „эпохой митинговъ“. Какъ ни возставали противъ организации митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній большинство профессоровъ и нѣкоторыя общественныя группы, но послѣ столь успѣшнаго завершенія 1-ой всеобщей забастовки, которая съорганизовалась на этихъ митингахъ, всѣ должны были признать, что манифестъ 17-го октября явился естественнымъ завершеніемъ эпохи митинговъ. Передъ громадной толпою, собравшейся 18-го октября на Театральной площади, чтобы отпраздновать „первый день свободы“, ректоръ московскаго университета проф. А. А. Мануиловъ подчеркнул выдающіяся заслуги въ освободительномъ движеніи „нашего единственнаго въ мірѣ по способности къ самопожертвованію студенчества“ („Р. С.“ № 274). Въ этотъ день за торжественными обѣдами и въ разныхъ кружкахъ были собраны довольно крупныя суммы въ пользу рабочихъ и недостаточныхъ студентовъ („Р. В.“ № 274).

Но встрѣтивши въ одной части общества признательность, студенты возбудили бурную ненависть въ другой. Извѣстно, что одновременно съ изданіемъ манифеста было подготовлено въ широкихъ размѣрахъ истребленіе „кромолы“. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла на всемъ пространствѣ Россіи начались погромы, которымъ молва дала названіе „черносотенныхъ“. Въ десяткахъ городовъ и мѣстечекъ они были направлены противъ евреевъ, въ другихъ случаяхъ — противъ интеллигенціи, противъ земскихъ

*) Наканунѣ на общемъ собраніи младшихъ преподавателей московскаго университета было признано необходимымъ закрытіе университета „въ видѣ протеста противъ современнаго политическаго строя;“ подписалось около 150 лицъ.

служащихъ, противъ сознательныхъ рабочихъ; въ Москвѣ объектомъ травли оказались студенты.

Кто стоялъ во главѣ той организаціи, которая поставила своею цѣлью истребленіе крамольниковъ, въ настоящее время установить еще трудно; въ прессѣ называли имена генерала Богдановича и Крушевана, но вѣроятно, что оба они были только помощниками кого-то другого. Открыто выступили въ Москвѣ съ призывомъ къ избіенію забастовщиковъ, интеллигенціи и въ частности студенчества нѣкоторыя газеты (въ особенности университетская газета „Московскія Вѣдомости“) и Союзъ русскихъ людей. Дышащее ненавистью къ „крамольникамъ“ воззваніе послѣднихъ, появившееся 14-го октября съ цензурою градоначальника въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, „Моск. Листкѣ“ и „Русскомъ Листкѣ“ призываетъ всѣхъ „благомыслящихъ жителей столицы“ организоваться въ ближайшее воскресенье 16 октября въ приходскихъ храмахъ послѣ обѣдни и „начать запись въ дружины порядка“, чтобы активно выступить въ борьбу съ крамольниками и забастовщиками. Даже нѣкоторые изъ членовъ этого Союза русскихъ людей — профессора московскаго университета — возмущались характеромъ этого воззванія и вышли изъ состава Союза; впрочемъ другіе профессора члены Союза остались и ограничились лишь протестомъ, а то и не протестовали.

О томъ, какъ беззащитно велась „Московскими Вѣдомостями“ агитація, призывавшая къ истребленію крамолы, можно составить себѣ представленіе изъ письма „старого желѣзнодорожника“ въ № 276.

„Письмо къ забастовщикамъ.“

„Поднявшій мечъ, отъ меча погибнетъ“.

Слѣпцы и безумцы!..

Вы далеко зашли. Вы слышали только вашихъ агитаторовъ, но полно, вотъ наступить, да и наступаетъ моментъ, когда встанутъ ораторы другіе, тоже жгучіе, тоже сильные и величественно-могучіе въ своей глубокой любви и преданности къ своему родному Царю и страдающей Родинѣ.

И горе тогда вамъ! Горе... Горе...

Уйдите же, пока не поздно!

Россія встаетъ...“

Редакція университетской газеты не преминула въ передовой статьѣ направить „взрывъ народнаго негодованія поднимающейся Россіи“ специально противъ студентовъ.

„Мы думаемъ, что и учащееся юношество, послѣ того, что оно по чужой указкѣ и по своему мало-мыслию въ послѣдніе дни дозволяло себѣ, — тоже заслужило уже достаточное презрѣніе къ себѣ въ глазахъ самыхъ миролюбивыхъ людей“ („М. В.“ № 278).

Если даже въ глазахъ самыхъ миролюбивыхъ людей студенчество возбудило заслуженное презрѣніе, то какъ же долженъ возбудиться противъ студентовъ, прочтя эту передовицу, человѣкъ горячій или менѣе миролюбивый, изъ которыхъ, надо полагать и состоитъ кругъ читателей „Моск. Вѣдомостей.“

Понимая, что печатать прямо приглашеніе къ избіенію и убійству все-таки не вполне безопасно, „М. В.“ пытаются иногда затушевать этотъ преступный призывъ, но довольно неудачно. Въ № 275 газета печатаетъ „прокламацію группы московскихъ патріотовъ“, начинающуюся словами: „Вставай, поднимайся, московскій народъ! Долой забастовщиковъ и ихъ подстрекателей!“ Въ концѣ же этой написанной высокимъ слогомъ прокламаціи оказывается, что вставать и подниматься московскому народу нужно только для того, чтобы „всѣхъ подстрекателей ловить и представлять по начальству“. Конечъ, очевидно, прицѣленъ только для прокуратуры.

Въ томъ же № 275 „Московскія Вѣдомости“ печатаютъ цѣликомъ проповѣдь, которая была прочитана въ большинствѣ московскихъ церквей въ этотъ день, 16-го октября, въ то самое воскресенье, въ которое „Союзъ русскихъ людей“ приглашалъ московскій народъ организоваться по приходскимъ храмамъ для борьбы съ крамолы. Эта проповѣдь была составлена, кажется, епископомъ Никономъ, яростнымъ приверженцемъ Союза русскихъ людей, и съ одобренія

московскаго митрополита Владиміра разслана епархіальнымъ начальствомъ по церквамъ. Проповѣдь длинная, утомительная, написанная витіеватымъ слогомъ. Но ея смыслъ вполне выраженъ тѣми тремя фразами, которыя приведены выше изъ прокламаціи „московскихъ патріотовъ“. Только затупшеванъ призывъ къ избіеніямъ, пожалуй нѣсколько искуснѣе.

Прочтя текстъ проповѣди въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, я нарочно отправился въ Успенскій Соборъ, чтобы посмотрѣть, какое она произведетъ впечатлѣніе. Стоя за колонной я не видалъ, кто прочелъ ее, священникъ или діаконъ; я только слышалъ великолѣпный голосъ съ богатыми интонаціями, умѣло подчеркивавшій самыя сильныя мѣста, благодаря чему цѣль проповѣди — призывъ къ ненависти — выставлялась еще яснѣе, чѣмъ при чтеніи. По временамъ, въ особенно жгучемъ мѣстѣ, проповѣдникъ дѣлалъ паузу; и тогда становилось совсѣмъ жутко... лица многихъ „молящихся“ дышали злобой и ненавистью.

Слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторые священники отважились на этотъ разъ не исполнить предписаніе начальства и проповѣди не читали. На собраніи Общества любителей духовнаго просвѣщенія 75 пастырей рѣшили напечатать въ газетахъ свой протестъ по поводу распоряженія епархіальной власти читать 16 октября въ церквахъ присланное поученіе („Р. Л.“ № 283).

Въ засѣданіи 16 октября московская городская дума

„выразила протестъ противъ того, что въ церквахъ проносились проповѣди, призывавшія массы идти противъ интеллигенціи, и постановила довести объ этомъ до свѣдѣнія митрополита“ („Н. В.“ № 10.638).

И даже самъ митрополитъ Владиміръ принужденъ былъ въ послѣдствіи заявить, что онъ глубоко скорбитъ о томъ, что „два-три неосторожныхъ выраженія, допущенные въ этомъ поученіи (результатъ поспѣшности, съ какою оно по необходимости составлялось), смутили совѣсть нѣкоторыхъ слушателей и въ двухъ мѣстахъ послужили даже поводомъ къ нарушенію церковнаго благочестія“ („М. В.“ № 283).

Очевидно, не рассчитывая на полный успѣхъ своихъ воззваній въ народной массѣ, „русскіе люди“ стремятся всѣми мѣрами подогрѣть патріотизмъ своихъ уже несомнѣнно вѣрныхъ пособниковъ — казаковъ. Въ городской думѣ имъ поетъ хвалебные гимны присяжный повѣренный Шмаковъ. „Моск. Вѣд.“ печатаютъ рядъ писемъ, въ которыхъ выражается признательность казакамъ за ихъ полезную и трудную дѣятельность.

„Всѣмъ сердцемъ благодарны мы нашимъ добрымъ солдатикамъ и казакамъ, за ихъ трудную службу, которую они несутъ, защищая наши семьи и наше имущество въ теперешнее смутное время. Посылаемъ имъ на гостинецъ 7 р. 50 к. нашихъ трудовыхъ денегъ“ 8 подписей („М. В.“ № 278).

А на другой день Надежда Ртищева, прилагая 8 р. возглашаетъ:

„Спасибо, сердечное спасибо вамъ, вѣрные слуги царя, доблестные сыны нашей родины!“ („М. В.“ № 279).

Эти благодарности, конечно, доходятъ по адресу и производятъ впечатлѣніе на мужественныя сердца казаковъ; въ № 278 „М. В.“ читаемъ отвѣтное письмо.

„Нижніе чины сотенъ 21, 29, 30 и 32 казачьихъ полковъ, временно расквартированные въ московскомъ городскомъ манежѣ, глубоко тронутые присылкой книгъ, бѣлья, чая и сахара Анной Васильевной Лопатиной, приносятъ ей глубокую искреннюю благодарность“.

Войсковой старшина Дьяковъ.

Все это — открытая агитаторская дѣятельность, подготовлявшая студенческія избіенія октябрьскихъ дней. Несомнѣнно, однако, что на ряду съ открытой велась также и подпольная агитация, о которой въ Москвѣ ходило много определенныхъ разсказовъ, но въ печать проникли лишь отдѣльные факты; въ № 277 „Р. С.“ напечатано слѣдующее заявленіе:

„Корнетъ запаса Россудовскій, К. (вокзалъ рязанско-уральской жел. д., д. 15, кв. 1) сообщилъ въ университетъ, что вечеромъ 20 проходя по Моховой

онъ слышалъ отъ толпы, что какой то приставъ раздалъ 60 финскихъ ножей, проговаривая: „Вы будете лупить ихъ, только лучше“. Это сообщеніе съдѣлано имъ послѣ гнуснаго нападенія казаковъ въ 11 часовъ изъ манежа. Сообщилъ это мнѣ, Б. Гишманъ-Годину, очевидцу нападенія. Мой адресъ: Рождественка, д. Захарьина кв. 16“.

Прямое участіе московской администраціи въ устройствѣ такъ наз. патріотическихъ манифестацій, уголовный характеръ дѣятельности которыхъ былъ ясенъ съ самаго начала, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ хроникѣ „Права“ № 48—49 сообщается

„21 октября по Замоскворѣчью и по Моховой улицѣ ходили по домамъ полицейскіе и чрезъ дворниковъ приглашали обывателей принять участіе въ назначенной сегодня грандіозной манифестаціи „тѣхъ, кто за царя“. Участіе дворниковъ въ манифестаціи обязательно. Манифестація начнется у Александровскаго сада, гдѣ находится манежъ, въ которомъ квартируютъ казаки, и оттуда направится въ Кремль. По дорогѣ предположено, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, избіеніе интеллигентовъ“ („Р. С.“).

„Московская Газета“ опубликовала во всеобщее свѣдѣніе циркулярную телеграмму:

„Телеграмма городского полицейскаго телеграфа, полученная 18 октября 1905 г., въ 12 час. 40 мин. веч. Срочно. Циркулярно. Гг. приставамъ. Внушить всѣмъ околоточнымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а наоборотъ содѣйствовали бы охранѣ порядка. Градоначальникъ баронъ Медемъ“.

22 октября по всѣмъ угламъ улицъ было расклеено обязательное постановленіе московскаго генераль-губернатора Дурново, воспрещающее всякія шествія и манифестаціи. Но когда толпа патріотовъ съ царскимъ портретомъ и національными флагами явилась къ дому генераль-губернатора, послѣдній вышелъ на балконъ, изволилъ милостиво говорить

съ толпою и разрѣшилъ продолжать патріотическое шествіе. Толпа съ благословенія генераль-губернатора пошла дальше и на Каменномъ мосту убила студента Лопатина...

Въ результатѣ совмѣстной дѣятельности русскихъ людей и ихъ печати, высшей и низшей іерархіи и администраціи всѣхъ чиновъ, Москва пережила въ октябрѣ недѣлю, которую можно назвать недѣлей студенческихъ погромовъ. 15—22 октября.

15-го октября въ зданіи городской думы происходило засѣданіе гласныхъ съ представителями политическихъ партій и забастовочныхъ организаций. Зданіе сильно охранялось драгунами, которые первые открыли періодъ избіеній, бросившись разгонять толпу холоднымъ оружіемъ. Зрѣлище молодецкой расправы драгунъ возбудило, повидимому, позывъ къ избіенію у торговцевъ находящагося по сосѣдству Охотнаго ряда, часть которыхъ, несомнѣнно, была ранѣе организована и стояла въ связи съ Союзомъ русскихъ людей. Это первое нападеніе охотнорядцевъ на студентовъ живо описано свидѣтелемъ въ письмѣ въ № 271 „Р. В.“

„Дойдя до угла Моховой и Тверской, я услышалъ вдругъ крикъ со стороны Театральной площади, — крикъ, который останется навсегда въ памяти, крикъ, который издаетъ толпа, увидавъ кровь... И вслѣдъ за тѣмъ изъ всѣхъ палатокъ Охотнаго ряда понеслась толпа въ бѣлыхъ развивающихся фартукахъ. Вскорѣ эта толпа, повидимому, гонимая за учащими, повернула отъ Театральной площади и съ крикомъ и воемъ понеслась по сторонѣ, противоположной Охотному ряду, а затѣмъ и по Моховой. Раздались крики ужаса и вся публика, бывшая на Моховой, бросилась бѣжать. Стоявшіе у Охотнаго ряда городовые оставались при этомъ совершенно безучастными“.

Я былъ во дворѣ стараго зданія Университета, когда началось избіеніе студентовъ въ Охотномъ ряду. Внезапно изъ воротъ, ведущихъ на Моховую, побѣжали во дворъ сначала въ одиночку, а потомъ группами какіе-то люди, очевидно, въ паническомъ ужасѣ не понимавшіе, куда и

зачѣмъ они бѣгутъ, и отказывавшіеся отвѣчать на вопросы. Студентовъ между ними сначала не было, но черезъ пять минутъ они сбѣжались со всѣхъ сторонъ и заполнили дворъ. Немедленно были приняты мѣры къ огражденію входныхъ воротъ отъ черносотенной толпы и казаковъ; можетъ-быть, при устройствѣ загражденій было проявлено и черезъ-чуръ много рвенія, но самый планъ устроить изъ университета своего рода убѣжище казался въ первый моментъ вполне естественнымъ и былъ одобренъ находившимся тутъ же и. д. ректора. Въ наскоро устроенномъ лазаретѣ была въ этотъ день оказана первая помощь 16 раненымъ.

На сколько серьезнымъ казалось въ этотъ моментъ положеніе дѣлъ, видно изъ того, что засѣдавшій въ это время Совѣтъ университета „призналъ необходимымъ образование милиціи для защиты университета и студентовъ, а временно охраненіе университета поручилъ студентамъ“. („М. В.“ № 275). Въ тотъ же день въ непрерывномъ засѣданіи московской городской думы произвелъ большое впечатлѣніе своей горячей рѣчью проф. Н. А. Каблуковъ, посланный делегатомъ отъ Совѣта съ порученіемъ доложить ходатайство объ организациі комитетѣ общественной безопасности и городской милиціи.

Какъ извѣстно, ни комитетъ, ни милиція организованы не были, а университетъ былъ къ вечеру окруженъ войсками, которыя на другой день принудили студентовъ выйти изъ убѣжища, и оставались въ ближайшіе дни охранять университетъ, и отъ толпы, и отъ студентовъ. Особая профессорская комиссія долго ходила по двору, осматривая причиненныя во время постройки баррикадъ поврежденія, и въ газетахъ появились производившія тяжелое впечатлѣніе lamentaціи съ указаніемъ непомѣрно вздутыхъ цифръ потерей и убытковъ университета; впечатлѣніе отъ этихъ lamentaцій было тѣмъ болѣе тяжелое, что избіенія студентовъ не прекращались.

Особенно звѣрскія избіенія происходили около занятаго казаками манежа; избивали сами казаки съ полнымъ безстыдствомъ среди бѣлаго дня, не обращая вниманія на то,

что на ихъ подвиги смотрѣли изъ оконъ сосѣднихъ домовъ. Одинъ изъ такихъ свидѣтелей сообщаетъ за своей подписью въ № 272 „Русскихъ Вѣдомостей.“

„Считаю своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія редакціи о томъ, что имѣлъ несчастье цѣлый день наблюдать изъ своего окна. Казаки, сконцентрированные въ манежѣ, цѣлый день 16-го окт. съ 9-ти час. у. до 6-ти веч. развлекались избіеніемъ проходившей мимо манежа вдоль Александровскаго сада публики и въ особенности студентовъ и другихъ учащихся. Мною насчитано 62 единичныхъ избіеній. Казаки, намѣтивъ среди проходящихъ жертву, набрасывались и начинали хлестать нагайками по лицу и головѣ. Люди падали въ грязь, кричали, ихъ продолжали лежачихъ бить. Наименьшее число ударовъ, доставшееся одному, было 3; наибольшее — 16 пришлось на долю студента, котораго хлестали два казака. Между прочимъ въ кровь избить былъ мальчикъ лѣтъ 13—14 (повидимому, посылный). Полиція присутствовала безмолвно. Офицеры смѣялись, а толпа казаковъ при каждомъ ударѣ поощряла сочувственными криками. Избиваемыя лица ничѣмъ не вызывали казаковъ на подобное избіеніе“.

Леонидъ Надеждинъ.

Отдѣльныя сцены этого организованнаго избіенія описаны многими свидѣтелями въ письмахъ, помѣщенныхъ въ „Р. В.“ и др. мѣстныхъ газетахъ. Приведу отрывокъ изъ письма врача Каннабиха, который рассказываетъ про расправу казаковъ со студенческими отрядами Краснаго Креста, организованными на эти дни („Р. В.“ № 273).

„Одинъ изъ отрядовъ (всѣ имѣли повязки Краснаго Креста) подвергся нападенію трехъ пѣшихъ казаковъ. Это было около Александровскаго сада. Съ криками: „бей ихъ“ казаки бросились на молодежь и стали наносить убѣгавшимъ удары нагайками и кулаками. За слушательницей высшихъ женскихъ курсовъ О. В. С-ой одинъ изъ казаковъ гналъ шаговъ 15—20, и когда она упала на тротуаръ, продолжалъ бить ее“.

Манежъ и Александровскій садъ предназначались для умирения университетскихъ студентовъ. Для техниковъ и межевиковъ былъ устроенъ другой боевой пунктъ, во дворѣ церкви Никиты Мученика на Покровкѣ. Этимъ пунктомъ заведывали полицейскіе и ночные сторожа. Одинъ изъ потерпѣвшихъ; студентъ Техническаго училища М. Гурвичъ, такъ описываетъ нападеніе.

„Когда я въ субботу 15-го окт. въ 11-мъ часу вечера проѣзжалъ по Покровкѣ мимо церкви Никиты Мученика, на меня напалъ ночной сторожъ и ударивъ нагайкой стащилъ съ извозника. Увидавъ передъ собой группу людей, я инстинктивно бросился къ нимъ, ища у нихъ защиты отъ избіенія; но тотчасъ же пришлось почувствовать свою ошибку, ибо эта группа людей оказалась цѣлой кучей городскихъ, которые съ крикомъ и гикомъ набросились на меня, продолжая наносить удары, и если бы я не успѣлъ убѣжать отъ нихъ, то это ихъ „организованное нападеніе“ могло бы окончиться для меня весьма печально. Цѣль этого моего письма отнюдь не подчеркнуть лишній разъ всей гнусности подобной травли и невыносимаго положенія русскихъ гражданъ (и безъ того всѣмъ извѣстнаго), а лишь желаніе предостеречь своихъ товарищей студентовъ: рекомендую не носить теперь студенческой формы, ибо одного этого уже достаточно для того, чтобы быть избитымъ; и во вторыхъ, принять на всякій случай мѣры къ самозащитѣ“ („Р. В.“ № 272).

Что это не единственный случай, доказывается показаніями другихъ лицъ, подвергнутыхъ избіенію въ этомъ мѣстѣ, а также письмомъ причта церкви Никиты Мученика въ № 277 „Р. В.“; авторы письма выражаютъ „протестъ противъ незваныхъ гостей, являющихся виновниками возмутительныхъ насилій, и убѣдительно просятъ тѣхъ, отъ кого это зависитъ, освободить ихъ отъ этого произвола“.

Во всѣхъ описанныхъ выше случаяхъ на студентовъ безъ всякаго повода съ ихъ стороны изливалась слѣпая или сознательная ненависть черносотенныхъ охотнорядцевъ,

казаковъ и полицейскихъ. Вина студентовъ состояла лишь въ томъ, что они были одѣты въ форменное платье. Случай совсѣмъ иного рода произошелъ 16 октября въ двухъ церквахъ послѣ произнесенія отмѣченной выше проповѣди. Объ одномъ изъ нихъ привожу сообщеніе „Врача“ изъ № 272 „Р. В.“

„Вчера 16 октября между 11 и 12 часами мнѣ пришлось оказывать медицинскую помощь студенту, пострадавшему въ церкви Св. Пимена, что въ Пименовскомъ пер. Исторія по словамъ очевидцевъ и самого пострадавшаго такова:

Послѣ обѣдни священникъ произнесъ проповѣдь и закончилъ ее призывомъ къ насилію надъ волнующимися. Призывъ вызвалъ протестующій возгласъ молодого человѣка: „Не стыдно ли вамъ, батюшка, говорить такія слова!“. Смѣлый молодой человѣкъ былъ моментально окруженъ нѣсколькими изъ присутствовавшихъ и при поощреніи церковнаго старосты началось возмутительное побоище въ самомъ храмѣ.

Другой молодой человѣкъ, повидимому, какой то техникъ попробовалъ вступить за избиваемаго и подвергся той же участи“.

По письму К. А. Сталдыцкаго въ № 274 „Р. В.“, сказавшій „Стыдно!“ былъ студентъ Волковъ.

Да, смѣлый и честный юноша этотъ студентъ Волковъ. Сколько мужества нужно было, чтобы бросить „Стыдно!“ въ глаза проповѣднику въ присутствіи подготовленной словами ненависти толпы, непосредственно вслѣдъ за кровавыми студенческими избіеніями наканунѣ. Волковъ зналъ, на что онъ идетъ, но его горячее сердце не утерпѣло. Рѣдко когда укоръ бываетъ такъ заслуженъ, какъ здѣсь. Да, стыдно митрополиту за разослажную имъ челоѣконенавистническую проповѣдь, стыдно священнику, который ее страха ради іудейска читалъ, стыдно за русскій народъ, за „христіанъ“, которые ей повѣрили! Честь и слава храброму юношѣ!

Въ газетахъ я нахожу указаніе еще на одинъ имѣвшій мѣсто въ эти дни случай, когда избіеніе студента было

вызвано имъ самимъ,— правда, по передачѣ „Моск. Вѣдом.“, которымъ, вѣроятно, хотѣлось бы и всѣ описанные выше случаи объяснить вызывающимъ поведеніемъ студентовъ.

„15 октября въ 2 ч. дня на Московско-Ярославско-Архангельской желѣзной дорогѣ студентъ г. Рихтеръ ранѣ служившій на дорогѣ поѣзднымъ контролеромъ, подошелъ къ машинисту съ упрекомъ, почему тотъ нарушаетъ правила забастовки, и потребовалъ отъ машиниста немедленно сойти съ паровоза и выпустить изъ него пары. Такое требованіе г. Рихтера возмутило здравомыслящихъ служащихъ, и они всей толпой набросились на непрошеннаго агитатора и избили его“ („М. В.“ № 277).

17 октября поздно вечеромъ пришло извѣстіе о манифестѣ. Около полуночи я вмѣстѣ со знакомымъ студентомъ подошелъ къ университетскимъ воротамъ, чтобы передать извѣстіе одному изъ жившихъ во дворѣ профессоровъ. Намъ не сразу впустили: у воротъ стоялъ полицейскій, мимо прошелъ, подозрительно осматривая насъ, патруль. Подходить околodочный и показывая на насъ строго спрашиваетъ городского: „кто такіе?“ Въ этотъ моментъ мой спутникъ не выдерживаетъ: „Вы слышали, изъ Петербурга только что получена важная телеграмма, Высочайшимъ манифестомъ объявлена конституція, гарантированы неприкосновенность личности, свобода собраний, союзовъ, печати, законодательная власть Думы“... Околodочный на нѣсколько мгновений остолбенѣлъ, потомъ... перекрестился: „Славу Богу, теперь и намъ легче станеть“. Да, и „бѣдная маменька“ устаеть иногда бить папеньку! Впрочемъ, конечно, и полиція тяжело...

Въ теченіе слѣдующаго дня было нѣсколько часовъ, когда манифестъ, казалось, вошелъ въ силу. Огромный митингъ на Театральной площади и торжественное шествіе по Тверской и къ тюрьмамъ при радостномъ возбужденіи многотысячной толпы, гордившейся тѣмъ, что она завоевала свою свободу, конечно, никогда не забудутся тѣми, кто это пережили. Сотни красныхъ флаговъ, и открытая, гром-

кая пѣсня свободы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ десять мѣцевъ тому назадъ кучка студентовъ и курсистокъ за то же преступленіе была избита и изрублена полиціей!

Впрочемъ, и на этотъ разъ не обошлось безъ кровопролитія. Тутъ же около дома генераль-губернатора за попытку освободить арестованныхъ изъ тюремной кареты, въ перестрѣлкѣ была застрѣлена солдатами акушерка Шалить, а около Таганской тюрьмы черносотенецъ убилъ ѣхавшаго съ краснымъ флагомъ социаль-демократа Баумана. Было и еще нѣсколько раненыхъ, между которыми, конечно, оказались и студенты. Вмѣстѣ съ Шалить, по словамъ „Р. Л.“ (№ 281), были тяжело ранены двое студентовъ. „Раненыхъ студентовъ послѣ оказанія помощи взяли на руки товарищи и понесли къ губернаторскому дому“.

„Русскіе люди“ быстро приспособились къ новому положенію вещей, созданному манифестомъ. Они начали устраивать патріотическія манифестаціи, которыя оканчивались обыкновенно избіеніемъ студентовъ и другихъ лицъ, патріотизмъ которыхъ казался почему либо подозрительнымъ. Только теперь избивать студентовъ оказалось не такъ просто; многіе студенты вооружились, образовали охранныя дружины, которыя помѣщались въ опредѣленныхъ пунктахъ и въ случаѣ надобности спѣшили на помощь. Такъ 19-го октября на Тверской „русскіе люди“ стали нападать на проходившихъ студентовъ, требовали снятія шапокъ, начали бить. Быстро дано было знать дружинѣ, которая явилась на помощь. Началась перестрѣлка. Раненые были съ обѣихъ сторонъ, а также изъ публики; между прочимъ „тяжело раненъ въ спину студентъ (фамилія не выяснена) и курсистка“ („Р. Л.“ № 282). Для обезпеченія успѣха „русскимъ людямъ“ надо было войти въ соглашеніе съ организованной военной силой; естественно, что таковою оказались ихъ давніе союзники — казаки, продолжавшіе стоять въ манежѣ около университета. Планъ совмѣстныхъ дѣйствій былъ разработанъ на 20-е октября.

Въ этотъ день Москва видѣла поразительное зрѣлище: похороны Баумана, убитаго 18 октября. Десятки тысячъ

народа въ стройномъ порядкѣ съ пѣніемъ похороннаго марша и съ красными флагами прошли черезъ весь городъ. Изъ эпизодовъ этого дня я запомнилъ одинъ. Утромъ съ Прохоровской фабрики двинулась на встрѣчу шествію, чтобы принять участіе, большая толпа рабочихъ. Когда они дошли по Никитской до Моховой, они остановились передъ университетомъ, чтобы привѣтствовать это зданіе, давшее имъ пріютъ для собраний и митинговъ во время забастовки, чтобы привѣтствовать московское студенчество. Не страшно за будущее русской высшей школы, если у нея народились уже такіе союзники.

А вечеромъ въ этомъ же самомъ мѣстѣ произошла кровавая бойня: возвращавшимся поздно вечеромъ съ похоронъ Баумана была подготовлена засада патріотами и казаками.

„Толпа съ національными флагами, съ портретомъ Государя и большими палками, у иныхъ съ гвоздями на концѣ около половины 11-го ч. пришла къ Никитской и повернула къ манежу, причемъ встала отчасти у воротъ манежа, отчасти вдоль стѣны его противъ университета. Занявъ эту позицію остававшуюся въ тѣни, толпа съ національными флагами смолкла, какъ бы въ ожиданіи чего то. Изъ разговоровъ съ отдѣльными участниками толпы можно было заключить, что готовится какая то засада на студентовъ. Въ это время возвращавшіеся съ похоронъ шли по Большой Никитской и приближались къ университету. Шли они совершенно спокойно, тихо, безъ пѣсенъ съ нѣсколькими факелами и довольно разбросано. Дойдя до Моховой, толпа эта повернула на-право, но только что передняя часть ея оказалась противъ манежа, какъ раздалась два-три выстрѣла, а затѣмъ началась правильная стрѣльба, какъ могутъ стрѣлять только люди специально обученные: пачками „разъ-два, три-четыре“, группой не меньше 10 винтовокъ“. („Р. В.“ № 276).

Въ результатъ оказалось на мѣстѣ убитыхъ восемь труповъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ, изъ которыхъ нѣкоторые умерли отъ ранъ. Болѣе половины изъ числа убитыхъ

оказались учащіеся, а именно: студентъ инженернаго училища Б. С. Северьяновъ; три студента московскаго университета — П. П. Архангельскій (естествен. 3 к.), С. А. Захаровъ (естествен. 3 к.) и П. Соколовъ; ученикъ 6-го кл. 1-ой гимназіи И. В. Алексѣевъ и ученикъ 4-го класса Алексѣевского Коммерческаго училища Р. І. Петерсъ. Они были похоронены погромно, почти тайкомъ, среди бурныхъ погромовъ.

По настоянію ректора университета немедленно вслѣдъ за кровопролитіемъ, ночью же, было начато слѣдствіе, которое повелъ слѣдователь по особо-важнымъ дѣламъ Головня.

„По допросу оказалось, что стрѣляли 26 казаковъ 5-й сотни Донскаго 29-го полка и 3—4 казака 5-й сотни 32 полка. Было выпущено болѣе 80 патроновъ. Когда толпа участниковъ на похоронахъ Баумана подошла къ университету, то казаки вышли изъ воротъ манежа безъ команды офицера по предложенію урядника сотни, который затрубивъ въ рожокъ приказалъ стрѣлять... Приставъ Носковъ и помощникъ пристава Александровъ все время находились въ манежѣ и слѣдили за толпой... Толпа черной сотни собралась у манежа съ 6 час. вечера и продолжала стоять ожидая возвращенія участниковъ похоронъ, около среднихъ дверей манежа, которыя были открыты, такъ что черная сотня находилась въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ казаками“ („Р. В.“ № 277).

Безнаказанность перваго успѣшнаго кровопролитія подняла духъ воинствующихъ патріотовъ и укрѣпила въ нихъ увѣренность, что полиція, казаки и начальство на ихъ сторонѣ. При томъ же у нихъ были теперь весьма сильныя агитаціонныя средства для возбужденія темнаго люда—разсказы о томъ, что „студенты и жида схоронили на православномъ кладбищѣ неотпѣтый трупъ Баумана, и что они хотятъ царя смѣстить, а посадить вмѣсто него жиду Витте“ (изъ случайно слышаннаго на улицѣ разговора). Послѣ этого патріотическіе манифестанты стали уже не бить студентовъ, а убивать.

Суббота 21-го октября и воскресенье 22-го были „днями ужаса и позора для Москвы“, какъ выражаются „Русскія Вѣдомости“ (№ 279). Толпы патріотовъ ходили по улицамъ и били и убивали всѣхъ, одѣтыхъ въ студенческую форму; другихъ обыкновенно не трогали или трогали только случайно. „Новости Дня“ (№ 8030) считают даже возможнымъ выразиться, что „въ общемъ толпа вела себя довольно спокойно, но какъ только встрѣчала человѣка въ студенческомъ платьѣ, предпринимала на него открытую охоту“. А вотъ примѣръ.

„На Красной площади подогрѣтые рѣчами*) черносотенцы разбились на группы и начали розыскъ студентовъ среди собравшихся къ тротуару у Верхнихъ Торговыхъ Рядовъ. Одного схватили, растегнули у него верхнее платье, надѣясь подъ пальто найти студенческий мундиръ. Растерявшійся, перепуганный несчастный увѣрялъ, что онъ не студентъ, а портной, называя фирму, гдѣ онъ работаетъ. Въ заключеніе показалъ находившійся при немъ паспортъ. Только послѣ этого его оставили въ покоѣ“. („Н. Д.“ 8030).

Но если кто либо начиналъ заступаться за студентовъ, то били и его.

„Ночью толпа забастовавшихъ официантовъ напала на студента близъ дома Ліанозова въ Столешниковомъ пер. Студентъ убѣждалъ, толпа за нимъ погналась; у Центральныхъ бань ее остановилъ интеллигентный человѣкъ, который сталъ ее успокаивать и доказывать неосновательность ея образа дѣйствій. При этомъ онъ коснулся значенія освободительнаго движенія, но въ отвѣтъ на это его изуродовали ножами. Доставленный въ Старо-Екатерининскую больницу онъ скончался. Званіе его не обнаружено“. („Н. Д.“ 8030).

Еще объ одномъ неудавшемся заступничествѣ рассказываетъ дама въ № 280 „Русскихъ Вѣдомостей“.

*) Эти рѣчи говорили вѣроятно именно тѣ „другіе ораторы, тоже жгучіе, тоже сильные и величественно могучіе въ своей глубокой любви и преданности къ своему родному царю и страдающей Россіи“ о которыхъ писалъ въ „М. В.“ старый желѣзнодорожникъ (см. выше стр. 12).

„22 октября въ 6 часовъ вечера, на тротуарѣ возлѣ самой булочной (Савостьянова на углу Смоленскаго рынка) били студента, его повалили и топтали ногами; билъ его человѣкъ въ бѣлой рубахѣ и бѣломъ фартукѣ. Оказалось, что это былъ пекаръ изъ булочной Савостьянова. Слышанъ былъ ужасный сдавленный голосъ несчастнаго: „за что вы бьете меня“. Вбѣжавши въ булочную, я крикнула, чтобы его отняли отъ разъяренной толпы, но завѣдующій и всѣ остальные приказчики остались равнодушны и даже грубо прикрикивали: „Проходите, проходите“.— Куда дѣвали несчастнаго, и что съ нимъ сдѣлалось, не пришлось увидѣть“.

Что сдѣлалось съ несчастнымъ? Можетъ быть, для него было бы лучше, если бы онъ былъ убитъ. Мнѣ приходилось слышать въ эти дни о такихъ ужасныхъ пораненіяхъ, которыя дѣлали изъ полного силъ юноши безпомощнаго калѣку на всю жизнь. Когда въ краткомъ газетномъ отчетѣ читаешь фразу „въ Лебединскомъ пер. толпа догнала студента, бѣжавшаго на извозчикѣ и изуродовала его до неузнаваемости“, то среди всѣхъ ужасовъ этихъ дней, притупившихъ нервы читателя, ее можно пробѣжать безъ вниманія. А вѣдь въ этой фразѣ, можетъ быть, страшная трагедія человѣческой жизни; пожалуй даже не одной, а нѣсколькихъ.

Но толпа темныхъ людей, въ которой были искусно возбуждены звѣриные инстинкты, этой трагедіи не понимала. Кровь и стоны жертвъ возбуждали въ ней только смѣхъ и новый приливъ злобы. И не знаешь, что больше леденить душу ужасомъ: страданія жертвъ, или картины озвѣренія толпы, толпы нашихъ братьевъ, нашихъ согражданъ, такихъ же русскихъ, какъ мы сами. Вотъ какъ рисуетъ эту картину „Чиновникъ“ въ № 278 „Р. В.“

„Проходя вчера 21-го окт. въ 4 часа мимо манежа я увидѣлъ на углу Моховой и Воздвиженки 3-4-хъ оборванцевъ, къ которымъ подошли нѣсколько другихъ лицъ и возбужденно что то имъ рассказывали. Поров-

нявшись я прислушался. Огромный краснорожий и совершенно пьяный парень („тоже жгучий, тоже сильный и величественно могучий“ ораторъ стараго желѣзнодорожника) кричалъ: „Сейчасъ одного ухайдакали“. Изъ дальнѣйшаго выяснилось, что рѣчь шла о студентѣ, растерзанномъ толпой гдѣ-то на Остоженкѣ. Съ счастливымъ лицомъ, заливаясь смѣхомъ, герой повѣствовалъ: „Какъ только онъ выстрѣлилъ, мы бросились на него, извозчикъ повернулъ круто, и онъ вылетѣлъ и побѣжалъ. Дворникъ бросилъ мятельникъ подъ ноги, и онъ упалъ. Тогда я его разъ, а онъ (показывая на тщедушнаго улыбающагося парня) съѣлъ на него верхомъ. Ужъ мы били его, били, клочка не осталось.“ Слушая разсказъ, публика хохотала. Просто ужасно подумать, до какой общественной деморализаціи мы дожили. Приходится серьезно позаботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ подороже продать свою жизнь“.

Продать дорого свою жизнь студентъ Лопатинъ, котораго толпа сбросила съ моста въ рѣку. Одного этого убійства было бы достаточно, чтобы назвать день, въ который оно было совершено „днемъ ужаса и позора для Москвы“. Толпа съ національными флагами и царскимъ портретомъ шла со спеціального разрѣшенія генералъ-губернатора Дубасова, который только что держалъ къ ней рѣчь съ балкона своего дома. Встрѣтивъ близъ Каменнаго моста студента, ѣхавшаго на извозчикѣ, „толпа стащила его, онъ защищался, сдѣлалъ три выстрѣла, которыми одного убилъ, двухъ ранилъ. Толпѣ удалось схватить студента“... „Сваливъ, его стали бить со всѣхъ сторонъ ногами. Надругавшись надъ окровавленной уже жертвой, одинъ изъ толпы произвелъ въ него три выстрѣла; почти вся толпа бросилась бѣжать, но была удержана руководителями, которые крикнули, что стрѣляютъ сами. Послѣ произведенныхъ выстрѣловъ студентъ былъ все еще живъ и стоналъ. Озвѣрѣвшая толпа продолжала его избивать еще нѣкоторое время, послѣ чего,

взявъ его за руки потащила по мостовой головой внизъ при крикахъ „ура“. Дотащивъ до середины моста, она бросила его въ рѣку.... Студентъ, упавъ въ воду былъ еще живъ и нѣсколько разъ поднималъ голову вверхъ, но когда доплылъ до плотомойни около моста, было видно лишь его одежду. Толпа сошла внизъ по спуску и начала бросать въ утопавшаго камни и полѣнья и этими ударами подбила его подъ плотомойню, послѣ чего жертва уже не показывалась....

Въ это время подѣхало съ полъ-сотни казаковъ, офицеръ просилъ расходиться, часть толпы разбѣжалась, другая часть привѣтствовала казаковъ, бросая шапки и крича: „ура“. Казаки отвѣчали „ура“ и подбрасывали шапки“. („Р. В.“ № 278).

Н. Я. Лопатинъ былъ сынъ купца, студентъ I-го курса Техническаго училища и по словамъ товарищей „не принималъ близкаго участія въ политическихъ событіяхъ послѣдняго времени“ („Р. В.“ 279). Но развѣ его спрашивали о политическихъ убѣжденіяхъ? Онъ могъ бы оказаться сыномъ той Анны Васильевны Лопатиной, которую казаки благодарили за присланные въ манежъ гостинцы, могъ бы раздѣлять ея убѣжденія, и все-таки его убили бы за то, что онъ носитъ ненавистный студенческой мундиръ; а благодарные казаки все-таки не шевельнули бы пальцемъ, чтобы защитить сына ихъ благодѣтельницы.

Вотъ другое убійство, не уступающее пожалуй въ жестокости убійству Лопатина.

„22-го октября часовъ въ 6 вечера произошелъ еще одинъ ужасный случай на М. Дмитровкѣ. Толпа черносотенцевъ замѣтила студента въ вагонѣ электрическаго трамвая (120) около Садовой, гдѣ останавливаются вагоны; толпа съ двухъ сторонъ вскочила въ вагонъ, публику пропустили, а студента сдавили съ двухъ сторонъ. Онъ какъ-то пригнулся, выстрѣлилъ, и убилъ одного изъ нападавшихъ, но толпа еще больше его сдушила, затѣмъ избивъ его до потери сознанія, вышибла стекло въ окнѣ вагона,

и выбросила несчастного на мостовую. Намъ передавали, что онъ тутъ же умеръ. („Р. С.“ № 278).

„Московскія Вѣдомости“ рассказываютъ объ убійствѣ Лопатина въ краткой эпической формѣ и называютъ его: „Самосудъ надъ студентомъ“. Другому извѣщенію, при которомъ одинъ молодой человѣкъ „ораторъ“ былъ убитъ, а другой-тяжело раненъ, газета даетъ имя: „Пропаганда въ Дорогомиловѣ“. А вотъ статейка изъ того же органа, названіе которой также мало подходитъ къ содержанію:

„Убійство чернорабочаго. 23 октября въ 7-мъ часу вечера по Малой Дмитровкѣ проходилъ студентъ съ двумя дамами. На него набросился, какъ оказалось впоследствии, кр. Раненбургскаго у. В. И. Мазаевъ, 20-ти лѣтъ, очевидно, съ цѣлью избить. Студентъ, выхвативъ изъ кармана револьверъ и въ упоръ Мазаева произвелъ два выстрѣла. У Мазаева оказалась одна сквозная рана и застрявшая пуля въ груди. По доставленіи въ Старо-Екатерининскую больницу онъ тамъ скончался. Студентъ съ дамами еле избавился отъ самосуда. („М. В.“ № 282).

Вѣроятно, газета, которая къ стыду Московскаго Университета до сихъ поръ связана съ его именемъ и до сихъ поръ бесплатно разсылается всѣмъ профессорамъ, считаетъ „самосудомъ“ и описываемое ниже извѣщеніе на Малой Кисловкѣ.

„На проходившую по Малой Кисловкѣ слушательницу педагогическихъ курсовъ Нину Ченцову и сопровождавшаго ее студента у Филармоническаго училища бросились черносотенцы. Студента избили. Въ лицо одного изъ нападавшихъ Ченцова бросила бутылку молока. Тотъ съ крикомъ убѣжалъ. Другіе же двое ранили ее въ ухо и избили („Н. Д.“ № 8030).

Конечно это „самосудъ“, по крайней мѣрѣ по отношенію къ курсисткѣ; вѣдь она первая бросила бутылку молока. — Нѣтъ жаль, что у нея не было револьвера, а то она еще могла бы спастись. Вѣдь тѣ же „Московскія Вѣдомости“ сообщаютъ, что револьверъ иногда и спасаетъ.

„22 октября, группа студентовъ встрѣтилась съ манифестантами, шедшими съ національнымъ флагомъ. Часть студентовъ успѣшила скрыться, а двое отстали. Толпа потребовала, чтобы они обнажили голову, такъ какъ процессія движется съ пѣніемъ народнаго гимна. Студенты не послушались и одинъ изъ нихъ началъ отстрѣливаться, а затѣмъ бросился вверхъ на Тверскую улицу, передавъ револьверъ своему товарищу, который успѣшилъ скрыться въ воротахъ дома Лянозова“. („М. В.“ № 281).

Много студенческой крови было пролито за эти дни, и не мало благороднаго мужества показали студенты. Хотѣлось бы вѣрить, что корреспондентъ ничего не прибавилъ, излагая въ двухъ словахъ такую сцену:

„22 октября, на Арбатѣ толпа черносотенцевъ окружила проходившую здѣсь курсистку и бросилась ее бить. — „Стрѣляйте, коли вамъ мало мѣста на землѣ“ сказала она, распахнувъ жакетку. — Черносотенцы ее оставили“. („Р. С.“ № 278).

Въ самый разгаръ студенческаго погрома нѣкоторые изъ студентовъ не боялись выступить передъ толпою со смѣлыми словами, чтобы просвѣтить темныхъ людей, своихъ враговъ и убійцъ, которые не вѣдали, что творили. Такъ 22 октября

„во время слѣдованія крестнаго хода къ Казанскому Собору какой то появившійся среди толпы молодой человѣкъ, повидимому студентъ, обратившись къ толпѣ, сталъ проповѣдовать идею необходимости учредительнаго собранія. Толпа въ началѣ его слушала, а затѣмъ вдругъ всколыхнулась и отдѣлившаяся часть ея бросилась на студента. — Истязаніе началось. Кровь лилась, несчастный изнемогалъ, а толпа не отставала. Неизвѣстно, чѣмъ бы это окончилось, если бы судя по рассказамъ очевидцевъ не вступился за истязуемаго одинъ изъ священниковъ, находившихся здѣсь. Раненаго усадили на извозчика и отправили въ университетъ“. („Р. Л.“ № 285).

А вотъ другой эпизодъ, который благодаря случайности обошелся счастливо:

„21 октября по отправленіи почтового поѣзда со станціи Софрино Московско-Ярославской жел. д. произошелъ слѣдующій случай: стоявшій на площадкѣ вагона III-го класса студентъ Невзоровъ послѣ какого то разговора съ ѣхавшимъ въ томъ же вагонѣ пассажиромъ, повидимому, изъ рабочихъ, былъ сброшенъ съ площадки вагона; благодаря счастливой случайности Невзоровъ при паденіи никакого увѣчья не получилъ“... („Р. С.“ № 277).

Просвѣщая дикую и темную толпу не страшно умереть. Это смерть христіанскихъ мучениковъ. Когда мы хотимъ найти историческую параллель для московской октябрьской недѣли, то ее слѣдуетъ искать не въ Варфоломѣевской ночи (я слышалъ это сравненіе изъ устъ одного безграмотнаго черносотенца, говорившаго очевидно, со словъ какого нибудь „жгучаго оратора“), а въ эпохѣ первыхъ вѣковъ христіанства.

Сколько студентовъ было только за эти два дня убито и изувѣчено, этого никто не подсчитывалъ, да теперь врядъ ли и возможно подсчитать. Въ газетахъ указаны, конечно, не всѣ случаи; многіе изъ убитыхъ не опознаны, нѣкоторые раненые умерли отъ ранъ. Какъ многіе христіанскіе мученики, и эти не оставили исторіи своего имени. Я попытаюсь все таки пополнить приведенный выше рядъ избіеній и убійствъ за 21 и 22 октября свѣдѣніями изъ газетъ,

21 октября. Въ Дорогомиловѣ въ трактирѣ Розанова убитъ студентъ... („Р. В.“ № 27). На Б. Дорогомиловской улицѣ убитъ въ вагонѣ конки молодой человекъ съ красной ленточкой въ петлицѣ... („Р. В.“ № 277). На проходившаго мимо манежа студента медика 3-го курса Пашича среди бѣлаго дня около 12 час. напали черносотенцы и жестоко избили. Серьезная рана въ голову заставляетъ опасаться за его жизнь... („Н. Д.“ № 8029). Въ 8 часовъ около манежа убитъ студентъ... („Н. Д.“ № 8030).

22 октября. Утромъ найденъ былъ трупъ убитаго студента близъ памятника Пирогова противъ клиникъ... („Р. В.“ № 278). На Малой Дмитровкѣ убили студента... („Р. В.“ № 279). На Долгоруковской улицѣ убиты двое рабочихъ и студентъ... („Р. В.“ № 279). Въ 11 часовъ раненъ студентъ К. А. Черный. Тяжелыя раны нанесены тупымъ оружіемъ въ голову и др. мѣстахъ... („Н. Д.“ № 8030).

По словамъ „Русскаго Слова“ за два дня доставлено въ клиники и больницы 18 лицъ. Многіе раненые студенты, конечно, не попали въ это число, а были подобраны товарищами и лѣчились дома.

Злоба противъ студенчества была излита и на зданіе университета. Послѣ казацкой засады у манежа 20 октября въ одной изъ аудиторій, выходившихъ на Никитскую, былъ устроенъ лазаретъ, гдѣ оказывалась первая помощь раненымъ; на двери былъ вывѣшенъ знакъ Краснаго Креста. Противъ этого то лазарета и направилась ненависть толпы.

„Въ третьемъ часу утра на 22 октября группа „черныхъ“ стала бросать камни въ Новое зданіе университета, попавшіе въ окна юридической аудиторіи № 7, которая за послѣднее время была превращена въ перевязочный пунктъ. По счастью никто изъ находившихся въ аудиторіи не пострадалъ. Однако, въ цѣляхъ безопасности для раненыхъ и для людей милосердія было постановлено перевести лазаретъ и санитарные отряды изъ университета въ помѣщеніе Высшихъ Женскихъ Курсовъ“... („Н. Д.“ № 8030).

Въ помѣщеніе Высшихъ Женскихъ Курсовъ, гдѣ находится также Общежитіе О-ва вспомошествованія учащимся женщинамъ, явился какой то мужчина и заявилъ, что онъ делегатъ отъ черной сотни и присланъ предупредить, что общежитіе будетъ разгромлено. Когда завѣдующая общежитіемъ отправилась къ генераль-губернатору просить о помощи, то она не была къ нему допущена адъютантомъ, который заявилъ, что курсистки сами виноваты: онѣ устраивали митинги, а потому и защиты имъ никакой не будетъ. Живущія въ общежитіи курсистки обратились за помощью

къ студентамъ, и внизу была поставлена для охраны вооруженная студенческая дружина. Вѣроятно, благодаря этому объявленный разгромъ не состоялся.

Московское Общество было сильно взволновано студенческими погромами, которые по общему убѣжденію были допущены, если не организованы администраціей. Московская Городская Дума требовала удаленія казаковъ изъ центра города; особой комиссіи было поручено разработать проектъ организации городской милиціи. Совѣты нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведеній требовали судебного разслѣдованія убійствъ и избиеній. Приведу одно изъ такихъ постановленій:

„Совѣтъ преподавателей Московскаго Училища живописи, ваянія и зодчества въ экстренномъ засѣданіи 24 октября постановилъ, въ виду цѣлаго ряда свѣдѣтельствъ о томъ, что полицейскіе чины возбуждаютъ толпу противъ учащихся, обратиться къ гр. Витте съ просьбой принять мѣры къ устраненію возможности такой преступной дѣятельности полиціи“. („Р.В.“ №280.)

Группа присяжныхъ повѣренныхъ довела до всеобщаго свѣдѣнія, что она собираетъ заявленія о преступленіяхъ, совершенныхъ толпою и администраціей.

Обратилъ вниманіе на погромы и прокурорскій надзоръ. 25 октября въ нѣсколькихъ газетахъ на первой страницѣ крупными буквами напечатано слѣдующее объявленіе:

„Прокуроръ Московской Судебной Палаты сообщаетъ, что по всѣмъ дошедшимъ до свѣдѣнія прокурорскаго надзора случаямъ насильственнаго лишенія жизни и причиненія тяжкихъ тѣлесныхъ поврежденій за послѣдніе дни въ городѣ Москвѣ, производятся предварительныя слѣдствія въ установленномъ порядкѣ. Въ видахъ всесторонняго выясненія этихъ преступленій, всѣ лица, могущія сообщить какія либо свѣдѣнія по этимъ дѣламъ, приглашаются заявить о томъ судебной власти, причемъ въ случаѣ обнаруженія производящимися слѣдствіями указаній на другія совершенныя ча-

стными или должностными лицами преступныя дѣянія, указанія эти послужатъ основаніемъ для соотвѣствующихъ по закону распоряженій. Въмѣстѣ съ тѣмъ объявляется, что въ зданіи судебныхъ установленій, въ Кремлѣ, учреждено непрерывное дежурство товарищей прокурора окружнаго суда для принятій жалобъ и заявленій“.

Въ то время черной реакціи, когда я пишу эти строки, это объявленіе прокурора Московской Судебной Палаты представляется съ одной стороны анахронизмомъ, а съ другой—грубымъ издѣвательствомъ. Теперь прокуроры не печатаютъ болѣе подобныхъ объявленій. Но вѣдь и тогда они ни къ чему не привели. Ни одного дѣла, ни противъ убійцъ черносотенцевъ, ни противъ патріотической прессы, ни тѣмъ болѣе противъ полиціи, казаковъ и бездѣйствующихъ властей, начато не было. Да и можно ли было рассчитывать на что либо подобное? Вѣдь писалъ то объявленіе тотъ самый прокуроръ, который всего наканунѣ по требованію черносотенной толпы выпустилъ на волю убійцу Баумана.

Студенческіе погромы прекратились сразу, опять таки по мановенію того же волшебнаго жезла, который ихъ вызвалъ. Этотъ таинственный жезлъ дѣйствовалъ на всю Россію и повсюду одновременно положилъ конецъ погромамъ, гдѣ еврейскимъ, гдѣ интеллигентскимъ, а въ Москвѣ—студенческому. Что было причиной пріостановки, неизвѣстно; не то страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, не то, что вѣроятнѣе, давленіе европейской прессы и банкировъ, на которыхъ погромы, въ особенности еврейскіе, произвели болѣе впечатлѣніе, чѣмъ манифестъ 17 октября. А всего вѣрнѣе, просто рѣшили дать на нѣкоторое время волю, чтобы потомъ совсѣмъ покончить однимъ ударомъ. Этотъ ударъ и былъ нанесенъ при подавленіи такъ наз. вооруженнаго возстанія въ Москвѣ.

Въ ноябрѣ мѣсяцъ были только отдѣльныя избиенія, очевидно мѣстнаго, а не центрального происхожденія. Недалеко отъ Москвы въ крупномъ фабричномъ центрѣ Иваново-

Вознесенскѣ еще съ дѣта усиленно насаждалось черносотенное настроеніе среди нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рабочихъ. Жертвами черносотенной пропаганды явились здѣсь отдѣльные сознательные рабочіе, которые избивались, а то и убивались своими же товарищами. Но руководителямъ, постоянно выставлявшимъ въ разныхъ заявленіяхъ и обращеніяхъ на Высочайшее имя особый патріотизмъ иваново-вознесенскихъ рабочихъ, этого было мало. Для возбужденія нужна была еще жертва изъ интеллигенціи, изъ студенчества. Эта жертва нашлась.

16-го ноября утромъ на станцію Иваново Московско-Ярославской жел. дор. пріѣхала изъ Москвы студентка 3-го курса С.-Петербургскаго Медицинскаго Института дочь врача Ольга Михайловна Генкина. Оставивъ свои вещи на вокзалѣ она отправилась въ городъ, а по возвращеніи на вокзалъ около полудня была арестована, на томъ основаніи что въ ея чемоданѣ при обыскѣ, произведенномъ безъ ея вѣдома, будто бы найдено было оружіе. Арестованная была помѣщена на вокзалѣ въ жандармской комнатѣ. Немедленно около станціи и въ городѣ былъ распущенъ слухъ, что пріѣзжая „еврейка“ привезла оружіе: надо ее проучить. Съ полудня до вечера вокругъ станціи постепенно собиралась толпа, которую разжигали пламенные ораторы. Несчастная видѣла изъ оконъ эту возбужденную толпу и томилась восемь часовъ въ ожиданіи неминуемой страшной смерти. Она просила жандармовъ отправить ее въ Московскую или Владимирскую тюрьму: за это время мимо станціи прошло шесть поѣздовъ, въ каждомъ изъ которыхъ можно было бы свободно увести арестованную. Жандармы—ихъ было 6—7 съ ротмистромъ Левенцомъ во главѣ—отказали. Они отказали и въ другой просьбѣ дѣвушки—убить ее. Видя настроеніе толпы, Левенецъ могъ бы вызвать стоявшихъ вблизи казаковъ; онъ этого не сдѣлалъ. Онъ отказалъ арестованной во всякой защитѣ. Толпа около 8 часовъ вечера ворвалась, не встрѣчая никакого препятствія, и растерзала несчастную дѣвушку. Когда толпа уже покончила свое жестокое дѣло, спокойно явилась сотня казаковъ.

По поводу убійства прокурорскимъ надзоромъ начато судебное разслѣдованіе. Обвиненіе предъявляется противъ жандармскаго ротмистра Левенца, какъ виновнаго въ попустительствѣ, и противъ желѣзно-дорожнаго вѣсовщика Кашина, который по показанію свидѣтелей возбуждалъ толпу къ убійству. Это тотъ самый Кашинъ, который вмѣстѣ съ графомъ Вобринскимъ, Грингмутомъ и пр. ѣздили въ Царское Село представляться Государю, былъ принятъ и выслушалъ милостивыя царскія слова.

Ужасный ударъ, нанесенный освободительному движенію въ московскіе декабрскіе дни, былъ хорошо подготовленъ: новый московскій генералъ-губернаторъ адмиралъ Дубасовъ, вступая въ должность 5 декабря, на пріемѣ представителей правительственныхъ, городскихъ и земскихъ учреждений, заранѣе заявилъ о готовящемся разгромѣ Москвы.

„Поведеніе крамолы и тонъ, которымъ она позволяетъ себѣ говорить съ законнымъ правительствомъ, предъявляя ему свои дерзкія требованія и обращаясь къ нему съ поднятыми кулаками, переходятъ всякіе предѣлы, — и я разумѣется, ни на одну минуту не могу допустить этого. Во всѣхъ такихъ случаяхъ я не останавлиюсь ни передъ какими самыми крайними и самыми суровыми мѣрами. (Голоса: Bravo, bravo!)“ („М. В.“ №322).

По числу жертвъ декабрская недѣля была еще ужаснѣе, чѣмъ октябрская, но громадное большинство убитыхъ и раненыхъ совершенно случайно попадались подъ пули или картечь, иногда даже вдали отъ того мѣста, гдѣ стрѣляли. Предназначенно войска убивали лишь немногихъ отдѣльных лицъ, и между этими немногими студенты занимали (по крайней мѣрѣ въ г. Москвѣ) едва ли не первое мѣсто. Конечно, многіе студенты участвовали активно въ вооруженномъ возстаніи и входили въ составъ боевыхъ дружинъ, строили и защищали баррикады, нападали на полицію, казаковъ. Другіе студенты состояли въ санитарныхъ отрядахъ и нерѣдко самоотвержено подавали помощь валившимся повсюду раненымъ; въ глазахъ адмирала Дубасова

эти санитары были такими же революционерами, и онъ приказалъ войскамъ обращаться съ ними такъ же, какъ съ дружинниками. Но тамъ гдѣ не было на лицо ни оружія, ни бѣлой повязки, студенческая тужурка служила явнымъ доказательствомъ преступности и приводила къ избіенію или смертной казни.

Сколько студенческихъ жертвъ унесли декабрскіе дни, подсчитать невозможно. Такъ какъ большинство студентовъ разѣхалось изъ Москвы, то не рѣдко тотъ, кого считали пропавшимъ безъ вѣсти, оказывался впоследствии живымъ и на свободѣ въ провинціи; но могло случиться наоборотъ. Точно также считавшіеся убитыми, оказывались въ тюрьмѣ. Удастся ли когда либо составить точный списокъ убитыхъ, неизвѣстно; объ этомъ надо позаботиться прежде всего самому студенчеству.

Просматривая газетныя свѣдѣнія объ убитыхъ въ декабрѣ студентахъ, убѣждаешься, что ихъ мало было убито во время борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. По большей части удавалось захватывать студентовъ революционеровъ живыми, и уже послѣ того, какъ ихъ, арестовавъ, обезоруживали, солдаты убивали ихъ по приказанію офицера или по собственному усмотрѣнію. Я нахожу указаніе только на 2—3 случая, когда студентъ былъ убитъ якобы во время борьбы. Такъ по словамъ „Моск. Вѣдомостей“ во время нападенія на участокъ убитъ студентъ Калашниковъ; но, во 1-хъ, это пишутъ „М. В.“, въ интересы которыхъ входитъ даже случайно попавшагося подъ пулю студента произвести въ революционеры; а во 2-хъ, я имѣлъ свѣдѣнія, что Калашниковъ живъ и находится въ тюрьмѣ. Далѣе въ „Народномъ Хозяйствѣ“ № 10 въ числѣ опознанныхъ и преданныхъ землѣ труповъ студентовъ называется имя студента математ. факультета московскаго университета Ильи Хироли, „убитаго при столкновеніи близъ Большой Бронной“. Наконецъ въ № 10682 „Новаго Времени“ читаемъ:

„Москва, 9 дек. Сегодня въ Газетномъ пер. арестовано 42 революционера. На Тверской толпа хотѣла

ихъ освободить, но была разогнана драгунами. Ранена одна курсистка“.

А вотъ какъ убивали санитаровъ:

„13 декабря въ Каретномъ Ряду одинъ санитаръ повезъ неизвѣстнаго раненаго на извозчикѣ въ Ново-Екатерининскую больницу. При поворотѣ съ Петровки къ больницѣ извозчикъ былъ остановленъ жандармомъ, солдатомъ и неизвѣстнымъ въ партикулярномъ платьѣ, которые приступили къ обыску, какъ санитаря, такъ и раненаго. На санитарѣ обнаружена была подъ пальто студенческая тужурка; этого было достаточно для того, чтобы разстрѣлять санитаря изъ ружья. Раненаго извозчикъ довезъ до больницы, а за убитымъ были посланы изъ больницы санитары. Карманы платья убитаго оказались всѣ вывороченными; въ тужуркѣ найденъ платокъ съ мѣткой Н. Д. („Р. В.“ № 324.)

Убитый оказался студентомъ-юристомъ Николаемъ Александровичемъ Дударевымъ. Такая же судьба постигла и другого студента-санитара: „на перевязочномъ пунктѣ у Страстнаго монастыря убитъ сынъ санитарнаго врача московскаго уѣзднаго земства медикъ 5-го курса Е. В. Богословскій, оказывавшій помощь раненымъ.“ („Р. В.“ № 324.)

Нельзя не вспомнить здѣсь также объ убійствѣ приват-доцента д-ра медицины В. В. Воробьева. Это убійство очень подробно описано въ рядѣ газетныхъ статей; я выбираю изъ нихъ самую краткую:

„Въ субботу 17-го дек. около 5 час. веч., когда Большую Прѣсную заняли войска, въ квартиру д-ра В. В. Воробьева съ подъѣзда позвонили. В., пившій чай въ кругу своей семьи, всталъ, чтобы открыть двери на звонокъ. Въ переднюю ворвались три господина, одѣтыхъ въ полицейскую форму. Одинъ изъ вошедшихъ обратился къ д-ру Воробьеву:

- Вы докторъ В.
- Да я, — отвѣтилъ В.
- У васъ красный крестъ?
- Нѣтъ.

- Но вы принимали и лѣчили раненыхъ?
 — Да, лѣчилъ.
 — У васъ имѣется револьверъ?
 — Да есть, но я имѣю и разрѣшеніе, — сказалъ докторъ В.
 — Покажите.

Воробьевъ двинулся, чтобы принести свидѣтельство на право имѣть оружіе. Въ это время допрашивавшій выстрѣлилъ въ него. Воробьевъ упалъ. Пуля пробила сосцевидную кость и засѣла въ мозгъ. Онъ лишился сознанія. Черезъ нѣсколько часовъ онъ скончался“.

(„Жизнь“ № 11.)

Убийца оказался исполняющимъ должность полицеймейстера приставомъ С. Н. Ермоловымъ; выстрѣлъ былъ произведенъ сзади.

Преступленіе Дударева, Богословскаго и Воробьева по разъясненію московскаго генераль-губернатора (который и отвѣтственъ за эти убійства) заключалось въ томъ, что они подавали помощь раненымъ. А за какое преступленіе убили студента Лунца? Объ его смерти я слышала слѣдующее.

Студентъ 1-го курса московскаго университета Лунцъ былъ схваченъ солдатами. При обыскѣ нашли револьверъ и тогда потащили въ манежъ, гдѣ истязали. Одинъ изъ солдатъ, узнавшій изъ разговора, что истерзаннаго Лунца предполагаютъ убить по дорогѣ въ тюрьму, чтобы объяснить убійство попыткой къ бѣгству, увѣдомилъ объ этомъ родственниковъ (отецъ студента — докторъ). Тѣ отправились къ губернатору Джунковскому, чтобы предупредить убійство, но встрѣтили рѣзкій выговоръ за распространеніе ложныхъ позорящихъ войско слуховъ; однако, получили пропускъ для свиданія съ сыномъ, котораго уже не застали въ живыхъ. На другой день въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ было напечатано:

„14 дек. въ 7 час. веч. студентъ Лунцъ былъ убитъ: будучи арестованъ, онъ хотѣлъ убѣжать отъ сопровождавшаго конвоя, но былъ застрѣленъ конвойными“. (Цитирую по „Р. В.“ № 324).

Въ тѣхъ же „М. В.“ сообщалось, что другой студентъ, въ тужуркѣ котораго была найдена книжка съ талонами студенческой столовой на имя студента Бориса Виноградова, былъ убитъ около манежа, когда несъ бомбы. На самомъ дѣлѣ, по показанію свидѣтелей, убійство этого студента, который оказался не Виноградовымъ, а Цѣхановскимъ, совершено при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Когда онъ ѣхалъ на извозчикѣ близъ Моховой, его окружили солдаты и при обыскѣ нашли у него револьверъ, поволокли къ манежу, при входѣ въ который одинъ изъ солдатъ ударилъ студента по шеѣ шашкой и отрубилъ голову. Свидѣтелями были между прочимъ университетскіе служители.

12-го дек. въ 6 час. веч. студ. с.-петерб. технол. инст. К. П. Романовъ, вмѣстѣ съ учителемъ гимназіи С. Г. Моховымъ, шедшіе по Волхонкѣ, были схвачены отрядомъ сумскихъ драгунъ, обысканы и обокражены, а затѣмъ отведены въ манежъ. У обоихъ оказались револьверы и номера газеты рабочей партіи. По приказанію полковника, въ присутствіи офицеровъ, драгуны бросились на арестованныхъ и стали рубить ихъ шашками и колоть штыками. Студентъ Романовъ былъ зарѣзанъ на смерть, а Моховъ, съумѣвшій несмотря на производимыя надъ нимъ истязанія и издѣательства представиться мертвымъ, былъ, какъ трупъ, доставленъ въ участокъ. Ему удалось сохранить жизнь, и на другой же день въ больницѣ онъ далъ показаніе. Родственники убитаго студента К. П. Романова получили трупъ несчастнаго въ страшно обезображенномъ видѣ: „голова, затылочная часть, вся разрублена саблями; кисть лѣвой руки, очевидно защищавшей голову, разсѣчена нанскою сабельнымъ ударомъ, и кости изъ раны торчатъ; въ области груди и живота пять или шесть колотыхъ штыковыхъ ранъ; одна изъ ранъ приходится ниже лѣваго соска въ сердце. Всѣ раны нанесены спереди холоднымъ оружіемъ. Сзади никакихъ ранъ не было; также не было огнестрѣльныхъ ранъ“...

Товарищъ прокурора московскаго окружного суда 5-го участка Гордзялковскій, которому результаты освидѣтель-

ствования трупа К. П. Романова и состояніе раненаго Мохова не могли не быть извѣстными, осмѣлился черезъ недѣлю послѣ убійства написать отцу убитаго, что его сынъ и Моховъ, будучи арестованы, „намѣревались бѣжать, вслѣдствіе чего караулъ стрѣлялъ въ нихъ; Романовъ оказался убитымъ, Моховъ же тяжело раненымъ“.

Подробное описаніе этого убійства изъ № 8 газеты „Дѣло Народа“ помѣщено во второй части настоящей статьи.

Затѣмъ идетъ рядъ жертвъ прѣсененской трагедіи. Какъ извѣстно, 16-го дек. революціонеры объявили прекращеніе вооруженнаго возстанія. Въ этотъ день баррикады были сняты, проѣздъ повсюду открытъ и большинство дружинниковъ удалилось изъ района. Но 17-го дек. прибылъ Семеновскій полкъ, командиръ котораго, храбрый генераль Минъ, хотѣлъ непременно усмирить возстаніе, хотя рабочіе района и изъявили покорность. Несмотря на это 17 декабря было выпущено на Прѣснѣ свыше 600 артиллерійскихъ снарядовъ, и болѣе десятка домовъ и фабричныхъ корпусовъ подожжено солдатами. Были десятки, а можетъ быть сотни случайныхъ жертвъ. На другой день начались разстрѣлы.

Сколько студентовъ было безъ суда или съ пародіей „полевого“ суда разстрѣлено на Прѣснѣ Миномъ и его помощниками, не выяснено и врядъ ли когда будетъ выяснено, такъ какъ тѣ, кто принималъ участіе въ этихъ убійствахъ, себя выдавать не станутъ, и „приговоренныхъ“ ими къ казни гораздо охотнѣе причислятъ къ мятежникамъ, оказавшимъ сопротивленіе и убитымъ въ стычкѣ.

Надо замѣтить, что въ дни, непосредственно слѣдовавшіе за кровавымъ подавленіемъ возстанія, на почвѣ общаго нервнаго напряженія представленія о законномъ и незаконномъ такъ перепутались въ обществѣ, что о разстрѣлахъ безъ суда говорили, какъ о чемъ то естественномъ. Въ эти дни московскія газеты рассказывали о подобныхъ казняхъ-убійствахъ въ спокойномъ эпическомъ тонѣ.

Корреспондентъ „Новостей Дня“ посѣтилъ 19 дек. зданіе Прѣсененской части, гдѣ лежали тѣла двухъ студентовъ петербургскаго университета, разстрѣлянныхъ солдатами. Корреспондентъ на мѣстѣ разспросилъ объ обстоятельствахъ ихъ смерти.

„Дорого, очень дорого отдалъ свою жизнь молодой человекъ въ форменной студенческой одеждѣ высокаго роста съ длинными волосами; у него разрублена голова, и грудь пронизана пулями... Будучи окруженъ солдатами онъ многихъ перестрѣлялъ изъ револьвера и дрался кулаками; грызъ руки, когда его вели подъ разстрѣлъ. Казнь надъ нимъ исполнена у Горбатаго моста. Въ плотную съ нимъ лежитъ весь въ крови тоже студентъ (какъ первый, такъ и второй с.-петербургскаго университета)... Онъ долго стрѣлялъ въ солдатъ съ церковной колокольни... Скрыться ему не удалось, онъ былъ пойманъ у выхода колокольни и разстрѣлянъ“ („Н. Д.“ № 8077.)

Въ другихъ газетныхъ сообщеніяхъ о петербургскихъ студентахъ ничего не говорится; оба остались безымянными жертвами. А вотъ сообщеніе „Русскихъ Вѣдомостей“:

„Обстоятельства, при которыхъ былъ убитъ студентъ у Проточнаго пер., таковы: у него при обыскѣ былъ найденъ револьверъ. Тогда солдаты предложили ему отправиться „на Москву-рѣку“. Несчастный долженъ былъ идти на смерть. Запѣ изъ винтовокъ уложилъ его на мѣстѣ“ („Р. В.“ № 325.)

Повидимому, это только одинъ изъ многихъ случаевъ „казней“, приведенныхъ въ исполненіе въ этомъ мѣстѣ. Трупы казненныхъ такъ здѣсь и побросали, и они долго лежали, наводя ужасъ на окрестныхъ жителей и прохожихъ.

„У Горбатаго моста лежатъ четыре трупа юношей, изрѣшетенныхъ пулями. Молодые люди одѣты въ куртки и шапки боевой дружины, а изъ подъ разстегнутыхъ верхнихъ куртокъ виднѣются студенческія тужурки“ („Р. Л.“ № 335).

„Насъ просятъ обратить вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ особенности близъ Прѣсни валяются неубранные трупы, отголоски недавнихъ кровавыхъ событій. На берегу Москвы-рѣки противъ Проточнаго пер. нѣсколько дней валяются 9 труповъ; 8 — судя по костюму, рабочихъ и одинъ, какъ видно изъ билета, студентъ I-го курса юридическаго факультета“. („Р. Л.“ № 335).

Въ спискѣ опознанныхъ и преданныхъ землѣ студенческихъ труповъ изъ „Народнаго Хозяйства“ № 10 значатся убитыми у Горбатаго моста студентъ московскаго университета Л. Г. Кабакидзе и студентъ юридическаго факультета Дмитрій Моисеевъ. О „казни“ двухъ братьевъ студентовъ Моисеевыхъ мы знаемъ ужасныя подробности изъ показанія „Москвича“ въ № 8 Молвы отъ 8 января. Это была первая газетная статья, въ которой подробно описывалось, что такое были эти „казни“, и какъ вели себя на Прѣснѣ семеновцы. Слѣдуетъ поставить въ большую заслугу редакціи газеты Молва (Русь), что она осмѣлилась въ то время напечатать показаніе Москвича и открыла свои страницы для ряда подобныхъ несомнѣнно опасныхъ для нея корреспонденцій.

Москвичъ, который самъ былъ схваченъ, избитъ и едва не разстрѣлянъ семеновцами, видѣлъ, какъ производили разстрѣлы; онъ пишетъ, что одинъ изъ Моисеевыхъ былъ убитъ (какъ сообщилъ его брату офицеръ) еще 17 дек. Другой Моисеевъ просидѣлъ арестованный въ неизвѣстности все 18 дек. вмѣстѣ съ другими арестованными, двумя студентами, рабочими и пр. „Разговаривать намъ не давали, пишетъ Москвичъ, такъ какъ дежурившимъ солдатамъ данъ былъ приказъ заколотъ насъ штыками при малѣйшей попыткѣ разговаривать. Въ 9—10 часовъ вечера явился къ намъ какой то жандармъ или приставъ и ужасно издѣвался надъ нѣкоторыми арестованными: Моисеевымъ и др. Голодные, (пищи намъ не давали) на сильномъ холодѣ (въ неотапленной конторѣ фабрики) мы размѣ-

стились на полу. Въ 4 ч. у. насъ разбудилъ рѣзкій окликъ офицера: „ну, вставай! Моисеевъ пожалуйста“. Изъ оконъ видно, какъ промелькнули тѣни: офицера, Моисеева и за ними солдаты. Проходятъ $\frac{1}{2}$ —1 минута. Раздается тутъ же, гдѣ то совсѣмъ близко, залпъ изъ нѣсколькихъ ружей“...

Точно установленъ рядъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство-казнь студента Григорьева.

„Студентъ 1-го курса московскаго инженернаго училища Александръ Михайловичъ Григорьевъ, одѣтый въ штатскую шубу, отправился вмѣстѣ съ отцомъ своимъ гулять по улицамъ Москвы 19 декабря въ 2 часа дня. Дойдя до одной изъ заставъ, они возвращались, и увидя на стѣнѣ дома наклеенное новое обязательное постановленіе московскаго генераль-губернатора, остановились прочитать его. Въ это время проходилъ патруль изъ солдатъ; раздался обычный грубый окликъ: „Стой! Ни съ мѣста... Руки кверху... Разстегивайся“... Оба разстегнулись, и когда солдаты увидѣли на молодомъ человѣкѣ студенческую тужурку, то повели обоихъ въ участокъ. Тамъ ихъ обыскали. При обыскѣ не оказалось ничего, кромѣ одного печатнаго экземпляра „Варшавянки“, изданіе московской фирмы. По окончаніи обыска приставъ заявилъ, что студента арестуютъ на нѣкоторое время для выясненія его политической благонадежности. Отецъ отвѣтилъ на это, что пусть арестуютъ ихъ обоихъ, что сынъ ни въ чемъ не виновенъ, ни въ какихъ исторіяхъ никогда не былъ замѣченъ, и что нѣтъ никакихъ основаній его арестовывать. Не смотря ни на какіе доводы, студента Григорьева арестовали и отправили въ тюрьму, а отца грубо выпроводили изъ участка, пригрозивъ ему штыками“. („Молва“ № 8)

Студентъ Григорьевъ домой не вернулся. Его трупъ, пронизанный пулями, былъ найденъ среди другихъ труповъ въ сараѣ при одномъ изъ участковъ.

Директоръ инженернаго училища проф. А. А. Эйхенвальдъ обратился къ московской администраціи съ запросомъ, при какихъ обстоятельствахъ убитъ Григорьевъ, и получилъ отвѣтъ — во время стычки въ числѣ прочихъ мятежниковъ. Но у матери хранится тужурка, снятая съ покойнаго; въ ней цѣлый рядъ пулевыхъ отверстій на груди.

Вотъ, что говоритъ о смерти Григорьева въ своемъ показаніи Москвичъ:

„На Прохоровской мануфактурѣ насъ собралось человекъ 100—150. Большинство рабочіе отъ Прохорова, сахарнаго завода, отъ Шмидта и т. д. Начался допросъ. Его производилъ въ одной группѣ вышеупомянутый (убившій Моисеева) офицеръ, въ другой сначала какой то полковникъ, а потомъ какой то офицеръ, выпившій, съ бѣлымъ крестомъ на груди. Всѣхъ арестованныхъ распредѣлили на три группы: 1) комната налѣво — смерть; 2) направо — неопредѣленное, 3) группа, предназначенная для сѣченія. Освобождались только тѣ, которые свою голову выкупали указаніемъ 2—3 другихъ. Тутъ же можно было наблюдать ужасающія сцены. Молоденькій студентикъ инженернаго училища — Александръ Григорьевъ, лѣтъ 19, попалъ безъ всякихъ причинъ. Шелъ съ отцомъ мимо Прѣсенскаго участка. Его задержали, отца не арестовали. Изъ разговора съ нимъ я вынесъ впечатлѣніе, что совсѣмъ зеленый еще. Вдругъ выскакиваетъ какой то рабочій и говоритъ: „Ваше бл-діе, это нашъ главный ораторъ“. И его повели въ комнату налѣво“.

Позднѣе 10 февраля въ „Правдѣ Божіей“ было помѣщено письмо въ редакцію одного изъ прохоровскихъ рабочихъ, который подтверждаетъ, что студентъ Григорьевъ былъ убитъ по указанію на него одного рабочаго, желавшаго спасти себѣ жизнь. Въ качествѣ слуха, не получившаго иного подтвержденія, но не представляющаго ничего невѣроятнаго, привожу еще одно указаніе Москвича.

„Когда насъ освободили, по нашей же просьбѣ насъ сопровождали солдаты. Мы съ ними мирно разго-

варивали и они тихо рассказали намъ, что вчера они въ промышленномъ училищѣ на Миусской площади разстрѣляли 26 человекъ (14 студентовъ и 12 студентокъ)“.

Гг. семеновскіе офицеры, продѣлывая пародію „полевого суда“, присуждали не только къ смертной казни, но и къ другому наказанію, о которомъ ни въ какихъ законахъ не говорится: къ сѣченію. Имъ доставляло, повидимому, особенное удовольствіе сѣчь студентовъ и женщинъ. Москвичъ видѣлъ руки двухъ высѣченныхъ студентовъ: „онѣ сначала напоминали рубленныя котлеты, а потомъ вспухли до ужаса.“ А вотъ описаніе казни еще одного студента, которое по торжественному заявленію редакціи Руси „сдѣлано со словъ свидѣтеля, *безспорнаго для всѣхъ*“) участниковъ этого кроваваго дѣла, прочитано имъ и снова подтверждено“.

„18 декабря. У Горбатаго Моста.

Группа солдатъ разныхъ родовъ оружія и офицеръ. Оживленіе, шутки, крики, жестикуляція, довольныя лица.

Студентъ попался.

— Ну ребята, разступись — говоритъ офицеръ. — Будетъ представленіе.

— Снимай штаны, — обращается офицеръ къ студенту.

Тотъ блѣденъ, молчитъ и не движется съ мѣста.

— Снимай штаны — грозно кричитъ опять на него офицеръ, но студентъ безъ кровинки въ лицѣ, блѣде снѣга, не дѣлаетъ ни одного движенія, только молча полными ужаса глазами озирается кругомъ и всюду встрѣчаетъ торжествующія лица своихъ мучителей; онъ опускаетъ голову и по прежнему не трогается съ мѣста.

— Ну-ка, ребятунки. Надо помочь господину студенту. У нихъ ручки озябли, на морозѣ не слушаются. — Голосъ офицера мѣняется; изъ грознаго и грубаго становится ласковымъ, ласнающимъ; онъ съ удовольствіемъ

*) Курсивъ подлинника.

емъ глядѣть на студента. Снимайте-ка ему панталончики,—обращается онъ къ солдатамъ.

Тѣ разстегиваютъ и стаскиваютъ панталоны со студента.

Онъ не сопротивляется. Затѣмъ его валятъ на землю.
— Всыпай ребята.

Выходятъ два дюжихъ пѣхотинца съ нагайками въ рукахъ.

Начинается сѣченіе. Продолжается долго съ громкимъ хохотомъ и гамомъ и шутками. Студентъ все время молчитъ, лежа лицомъ въ снѣгъ. Къ нему обращаются съ вопросами, хорошо ли онъ себя чувствуетъ, тычутъ ногами въ голову.

— Довольно,—командуетъ наконецъ офицеръ, когда все тѣло студента покрылось кровью. Вошедшіе во вкусъ солдаты не сразу, но прекращаютъ порку.

— Ваше благородіе. Дозвольте и намъ отодрать его,—съ ослабленными въ улыбки довольными лицами, отдавая честь, просительно обратились къ офицеру два солдата артиллериста.

— Ну что-жъ, отдерите еще. Надо и вамъ!—снисходительно разрѣшаетъ офицеръ.

Вторая смѣна приступаетъ къ работѣ и, засучивъ руки, перенимаетъ окровавленные нагайки и продолжаетъ прекращенное было сѣченіе студента, который все попрежнему, не издавая звука, лежитъ лицомъ въ снѣгу, и только тѣло его еще инстинктивно вздрагиваетъ отъ все ускоряющихся ударовъ нагаекъ, по мѣрѣ того какъ разгорячаются и входятъ въ азартъ сѣкущіе солдаты.

— Ваше благородіе, и намъ ужъ разрѣшите,—прервали на минуту сѣченіе не вытерпѣвшіе дожидаться своей очереди драгуны и, смѣнивъ съ разрѣшенія офицера артиллеристовъ, съ свѣжими силами и рвеніемъ принялись за сѣченіе, по прежнему молча лежавшаго лицомъ въ снѣгъ, но почти уже переставшаго вздрагивать студента.

— Ну, вотъ теперь тебѣ прописали на.... высшее образованіе. Всѣ три факультета окончилъ,—раздалась чья то, не безъ сарказма, шутка, вызвавшая громкій смѣхъ довольныхъ воиновъ, когда наконецъ окончилось сѣченіе лежавшаго лицомъ въ снѣгъ недвижно студента.

Но онъ не былъ застрѣненъ. Его отвели на Москву-рѣку и тамъ разстрѣляли. („Русь“, № 6).

Это произошло опять на Горбатомъ мосту. Это мѣсто должна запомнить вся Россія. Когда я прохожу здѣсь, моя мысль переносится за 18 вѣковъ назадъ, въ далекій Римъ въ Колизей, на аренѣ котораго при рукоплесканіяхъ и издѣвательствахъ толпы терзались и предавались мучительной смерти инnochа согра. Тогда мучениковъ убивали за то, что они христіане, несшіе народамъ любовь; теперь за то, что они студенты, стремящіеся къ освобожденію народа. А палачи остались тѣ же самые.

Въ то время какъ Минъ распоряжался на Прѣснѣ, другая часть л.-гвардіи семеновскаго полка подъ командою полковника Римана производила рядъ жестокихъ и бессмысленныхъ убійствъ на подмосковныхъ станціяхъ московско-казанской желѣзной дороги. Эти убійства описаны въ ска-томъ сильномъ письмѣ подполковника Н. Сергѣева, напечатанномъ въ № 1 „Руси“, а затѣмъ весьма подробно въ нѣсколькихъ корреспонденціяхъ сотрудника „Руси“ В. Владимірова. Всего убито здѣсь около 150 человекъ („Русь“ № 29), преимущественно желѣзнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ. Убивали уже безъ пародіи суда, частью по списку, неизвѣстно кѣмъ составленному, частью, кто попадался на глаза. Но и по списку убить не стѣмѣли; не обращая вниманія на имена, убивали брата за брата.

Въ Коломнѣ изъ обреченныхъ на смерть стали искать прежде всего студента Сапожкова. Солдаты окружили домъ г. Дорфа, завѣдующаго театромъ, въ которомъ ранѣе происходили митинги. „Когда офицеръ вошелъ къ нему въ домъ, то спросилъ: Гдѣ здѣсь студентъ Сапожковъ? Дорфъ указалъ на молодого человѣка и солдаты набросились на него“.

(„Русь“ № 12). Офицеръ не подумалъ о томъ, что студентовъ Сапожковыхъ можетъ быть въ Коломнѣ нѣсколько, а г. Дорфъ (и онъ былъ тутъ же разстрѣлянъ) равно какъ и самъ арестованный Сапожковъ не имѣли причинъ входить въ какія либо объясненія, не подозревая, что вопросъ идетъ о жизни и смерти. В. Владимировъ увѣряетъ, что здѣсь вышло „недоразумѣніе“; я могу подтвердить это на основаніи слышаннаго мною еще 25 декабря разсказа одной знакомой, только что пріѣхавшей тогда изъ Коломны.

„Убили Александра Сапожкова, который былъ совершенно ни въ чемъ не повиненъ. Мѣстная полиція была о немъ хорошаго мнѣнія, какъ о спокойномъ и не опасномъ человѣкѣ. Солдаты отыскивали Николая Сапожкова, его брата, который значился въ спискѣ охраннаго отдѣленія. Но солдаты его не нашли и передъ отъѣздомъ своимъ поручили розыски мѣстной полицейской власти. До сихъ поръ Николай Сапожковъ не разысканъ, не смотря на обѣщанную награду въ 200 р. тому, кто укажетъ полиціи, гдѣ онъ находится“. „Русь“ № 12.

Ну, что же не бѣда, что вмѣсто одного брата убили другого! Подобныя недоразумѣнія случились и въ Римскомъ Колизеѣ...

Если октябрскія избіенія студентовъ вызвали бурю негодованія во всѣхъ слояхъ московскаго общества, то декабрскіе разстрѣлы очень многіе общественные круги приняли равнодушно, какъ нѣчто должное. Въ № 4 „Полярной Звѣзды“ П. Б. Струве, котораго, конечно, никто не можетъ „обвинить“ въ сочувствіи къ вооруженному возстанію, возмущаясь безмолвіемъ и равнодушіемъ москвичей, спрашиваетъ: зачѣмъ молчала Дума, почему не возвысилъ своего авторитетнаго голоса Совѣтъ Московскаго Университета въ тотъ моментъ, когда еще можно было остановить и ослабить кровавую безсмысленную расправу?—И Дума и Университетъ молчали, охваченные паникой и реакціей.

Городская Дума всецѣло встала на сторону Дубасова и усмирителей. 16 декабря впервые одерживаетъ побѣду из-

вѣстный реакціонный гласный А. С. Шмаковъ. Принимается его „предложеніе, по которому Дума ассигновала 5.000 р. на пособіе семействамъ полицейскихъ и воинскихъ чиновъ, пострадавшихъ во время послѣдней смуты; кромѣ того поручено Управѣ представить докладъ объ обезпеченіи семействъ поименованныхъ чиновъ. Равнымъ образомъ ассигновано 5.000 рублей на единовременную помощь населенію. („Московск. Вѣд.“ № 324.)

Когда читаешь отчеты о засѣданіяхъ Думы въ эти дни или рѣчи московскаго городского головы Н. П. Гучкова (въ особенности при встрѣчѣ Новаго Года у адмирала Дубасова), то кажется, что это именно Дума со своимъ головою „прямо въ восхищеніи отъ молодецкихъ дѣйствій войскъ и всегда останутся имъ благодарными“, какъ клеветаютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 327) на прѣсенскихъ обывателей.

Въ тѣ дни, когда частью готовились, частью уже совершились—на Горбатомъ мосту, на Москвѣ-рѣкѣ, и въ Коломнѣ разстрѣлы студентовъ, въ Москвѣ собирались Совѣты многихъ высшихъ учебныхъ заведеній, собирались тѣ, „кто не только могъ бы дѣйствовать, но кто по своему образованію и положенію, долженъ былъ понимать, оцѣнивать событія и слѣдовательно, знать, какъ дѣйствовать“. („Полярная Звѣзда“ № 4 стр. 281). Но ни одинъ изъ этихъ Совѣтовъ не рѣшился дѣйствовать, не рѣшился высказать въ той или иной формѣ, я не говорю уже протестъ, а просто скорбь по столькимъ жертвамъ, въ частности студенческимъ жертвамъ, скорбь и уваженіе къ ихъ памяти. Газетныя статьи объ ужасныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ смерть студентовъ Моисеевыхъ, Лунца, Григорьева, Сапожкова и др., не заставили Совѣты принять мѣры къ возбужденію судебнаго разслѣдованія. Даже объ установленіи полнаго списка убитыхъ и пострадавшихъ студентовъ Совѣты не позаботились; но это можно было сдѣлать въ свое время при содѣйствіи студенчества и общества. И мы не знаемъ до сихъ поръ, измѣряется ли число погибшихъ за декабрскіе дни студентовъ единицами, или десятками.

Изъ всѣхъ беззаконій, совершенныхъ въ эти дни, только одно обратило на себя въ то время вниманіе общества: убійство пр.-д. д-ра В. В. Воробьева; преступный характеръ этого убійства былъ вполне очевиденъ, убійца — приставъ Ермоловъ — былъ на-лицо; казалось, затушить это дѣло, не было возможности. Совѣтъ Московскаго Университета ходатайствовалъ о возбужденіи по этому дѣлу судебного преслѣдованія. Говорили о томъ же и въ Городской Думѣ. Впрочемъ говорили нерѣшительно. Нѣкоторые гласные въ засѣданіи 20 декабря сдѣлали фактическое заявленіе по этому дѣлу, но городской голова Н. И. Гучковъ „просилъ Думу позволить ему разобраться во всемъ этомъ матеріалѣ, но весь матеріалъ передать прокурору онъ не можетъ, а будетъ представлять только то, что найдетъ нужнымъ“. („Р. В.“ № 326.) Дума не воспротивилась.

Мудрено ли, что при равнодушномъ (а пожалуй чуть ли не восторженномъ) отношеніи общества къ кровавой Дубасовской расправѣ, на заявленіе по поводу убійства д-ра Воробьева обратили мало вниманія. Ермоловъ былъ, правда, задержанъ и просидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ, а потомъ его выпустили на свободу, говорятъ, подъ залогъ 5.000 рублей, а можетъ быть, и безъ залога, какъ убійцу Баумана. Позднѣе сообщалось въ газетахъ, что согласно Высочайшему повелѣнію по докладу министра юстиціи Акимова дѣло Ермолова прекращено; это извѣстіе было опровергнуто, что впрочемъ ничего не доказываетъ*). Что же касается сообщеній „Руси“ объ беззаконіяхъ и безчинствахъ семеновцевъ, то правительство не рѣшилось ни опровергнуть ихъ, ни привлечь редактора къ суду; стало быть, эти преступленія дѣйствительно имѣли мѣсто, но правительство предавать виновныхъ суду не желаетъ.

„По свѣдѣніямъ „Народнаго Хозяйства“ случай разстрѣлианія по списку на Казанской жел. дор. былъ предметомъ сужденія совѣта министровъ въ засѣданіи 3 ян-

*) Приставъ Ермоловъ былъ впослѣдствіи преданъ суду присяжныхъ, которые признали его виновнымъ въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи. Убійца приговоренъ къ 4-хъ лѣтнему тюремному заключенію, но обжаловалъ приговоръ и находится попрежнему на свободѣ.

варя. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщить, что никакихъ распоряженій о разстрѣлахъ по спискамъ онъ не давалъ, и что отвѣтъ за это военные начальники должны дать не ему, а военному министру. Сознавая, что со стороны нѣкоторыхъ и были случаи превышенія полномочій, г. Дурново полагаетъ однако, что предавать суду теперь этихъ лицъ нельзя, ибо настоящий моментъ слишкомъ серьезенъ, а преданіе суду можетъ деморализовать армію, которая теперь въ особенности нужна. При этомъ г. Дурново сказалъ что когда домъ горитъ и надо тушить пожаръ, некогда думать о разбиваемыхъ стеклахъ. Къ мнѣнію г. Дурново присоединился предсѣдатель Совѣта“. (По „Молвѣ“ № 12.)

Семеновцы и казаки были осыпаны всяческими милостями.

Вскорѣ послѣ разстрѣловъ на Прѣснѣ, въ Перовѣ, Люберцахъ и Коломнѣ „въ Москву прибылъ по Высочайшему повелѣнію генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, который объѣхалъ мѣстныя казармы и благодарилъ войска за исполненіе присяги и своего долга при подавленіи вооруженнаго возстанія въ Москвѣ“. („Русское Слово“ № 237.)

Были особыя милости и благодарности Семеновскому полку, командиръ котораго произведенный въ генералы Минъ численъ къ Свитѣ Его Величества.

Позднѣе отправленъ на Донъ специальный посолъ съ Высочайшею грамотой „Нашему вѣрнолюбезному и доблестному войску Донскому“.

„Съ первыхъ же временъ своего существованія, выше трехъ сотъ лѣтъ тому назадъ, славное войско Донское начало вѣрное свое служеніе Царямъ и Отечеству. Неустанно преслѣдуя свѣтлую цѣль развитія зараждавшагося тогда грознаго могущества Государства Россійскаго, оно съ тѣхъ поръ неизмѣнно беззавѣтною самоотверженностью своей и безпредѣльною преданностью всѣхъ своихъ сыновъ Престолу и Россіи, ставъ оплотомъ на рубежахъ государства, бо-

гатырскою грудью охраняло и содѣйствовало расширенію его предѣловъ.

Въ години тяжелыхъ испытаній, неисповѣдимыми судьбами Промысла Всевышняго Царству Русскому ниспосланныхъ, всѣ донскіе казаки всегда съ одинаковою любовью и храбростью, становясь въ ряды защитниковъ чести и достоинства Россійской Державы, стяжали себѣ, постоянно присущимъ имъ духомъ воинской доблести и многочисленными подвигами, безсмертную славу и благодарность Отечества.

И въ нынѣ минувшую войну съ Японіей, а особливо въ наступившіе тяжкіе дни смуты, донскіе казаки, свято исполняя завѣты своихъ предковъ — вѣрою и правдою служить Царю и Россіи, явили примѣръ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Отечества.

За столь самоотверженную, неутомимую и вѣрную службу объявляемъ, близкому сердцу Нашему, доблестному войску Донскому особое Монаршее Наше благоволеніе и подтверждаемъ всѣ права и преимущества, дарованныя ему въ Божѣ почивающими Высокими Предками Нашими, утверждая Императорскимъ словомъ нашимъ какъ ненарушимость настоящаго образа его служенія, стяжавшаго войску Донскому историческую славу, и неприкосновенность всѣхъ его угодій и владѣній, пріобрѣтенныхъ трудами, заслугами и кровью предковъ и утвержденныхъ за войскомъ Монаршими грамотами.

Мы твердо увѣрены, что любезные и вѣрные Намъ сыны Дона, слѣдуя и впредь славному преданію отцовъ, всегда сохранять за собою высокое званіе преданныхъ слугъ и охранителей Престола и Отечества.

Въ сей увѣренности пребывая къ войску Донскому Императорскою милостью Нашею неизмѣнно благосклонный, благоволили Мы сію грамоту Собственною Нашею рукою подписать и Государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ Царскомъ Селѣ въ лѣто отъ Рождества Христова 1906-е, царствованія же Нашего двѣнадцатое.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „НИКОЛАЙ“.

25 января 1906 года. („Жизнь и Свобода“ № 1).

Когда послѣ прѣсенскаго разгрома москвичи, взволнованные отъ пережитыхъ ужасовъ, съ надерганными нервами, въ страхѣ передъ призракомъ надвигающейся реакціи, ходили по улицамъ города, кое-гдѣ попадались продавцы газетъ, предлагавшіе новое изданіе — листокъ со стихами, первая строка которыхъ произносилась въ полголоса:

„Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ“.

Эти простыя глубоко трогательныя слова удивительно подходили ко времени и настроенію; онѣ ободряли растерянныхъ и упавшихъ духомъ, внушали мужество и надежду на будущее.

„Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ“.

Были ли борцами тѣ студенты, которые пали жертвами въ октябрьскіе и декабрьскіе дни. Если студента Волкова, растерзаннаго въ церкви за протестъ противъ черносотенной проповѣди, и того, который „дорого продалъ свою жизнь, когда былъ окруженъ солдатами на Прѣснѣ“, нельзя называть иначе, какъ борцами, то Лопатинъ, Григорьевъ и другіе были прежде всего мучениками. Именно мучениками, а не случайными жертвами. Ихъ убили за то, что они студенты, а стало быть, стоятъ за свободу; убили за вѣрованія и убѣжденія, которыя приписываются всему студенчеству, и которыми на самомъ дѣлѣ почти безъ исключеній проникнуто все студенчество. Когда надъ ними издѣвались, издѣвались именно надъ „борцами“ за свободу и своею смертию студенты-мученики заслужили это почетное имя.

„Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ“.

О да! не надо плакать, или вѣрнѣе не плакать надо! Память этихъ борцовъ мучениковъ можно достойно почитать

лишь продолжая дѣло, въ которое они вѣрили и за вѣру, въ которое умерли — дѣло освобожденія Россіи.

И прежде всего надо добиться, чтобы тѣ, на кого падаетъ отвѣтственность въ убійствахъ октябрьскихъ и декабрьскихъ дней, получили достойное возмездіе. Нельзя дожидаться суда исторіи. Исторія, конечно, казнить палачей и отвести имъ мѣсто въ ряду Аракчеевыхъ, Бироновыхъ и Малютовъ Скуратовыхъ. Но нынѣшняго Малюту судомъ исторіи не испугаешь; онъ даже не прочь заслужить хотя бы Геростратову славу. Нѣтъ, возмездіе должно быть скорое и реальное. Я далекъ отъ мысли подъ возмездіемъ подразумѣвать убійство; оно прежде всего не успокоитъ общественной совѣсти. Смертная казнь — по суду или безъ суда, „заслуженная“ или незаслуженная всегда въ извѣстномъ смыслѣ возвеличиваетъ того, кого она постигаетъ, одѣваетъ въ глазахъ многихъ ореоломъ жертвы, мученика. Представьте себѣ, что какой-нибудь горячій юноша, можетъ быть, такой чистый идеалистъ, какъ Алеша Карамазовъ (припомните его „Разстрѣлять!“ въ отвѣтъ брату Ивану), застрѣлитъ убійцу д-ра Воробьева, пристава Ермолова или Римана. Юноша погибнетъ. Но неужели это та казнь, которую заслуживаютъ Риманъ и Ермоловъ, если справедливы предъявляемыя къ нимъ обвиненія? Нѣтъ, по суду ихъ ждетъ нѣсколько лѣтъ каторги, и это наказаніе, наказаніе позорное и безъ мученическаго вѣнца имъ гораздо болѣе подходитъ. Надо добиться, чтобы они дѣйствительно были преданы суду и суду настоящему. Россія не прежде будетъ вправѣ назвать себя страной свободной, какъ тогда, когда отвѣтственный за кровавыя расправы на Прѣснѣ, въ Люберцахъ, Голутвинѣ, московскій генераль-губернаторъ адмиралъ Дубасовъ встанетъ передъ судомъ народнымъ, который и рѣшитъ, какая доля вины падаетъ на него, какая на его подчиненныхъ и его начальниковъ. Россія станетъ свободной страной лишь тогда, когда она смѣетъ потребовать къ суду своихъ меттерниховъ: Витте, Дурново и пр. А когда придетъ желанная свобода, мы не предадимъ забвенію имена ея борцовъ и ея мучениковъ, и въ томъ памятникѣ,

который освобожденная Россія воздвигнетъ своимъ освободителямъ, одно изъ первыхъ мѣстъ займетъ фигура студента въ той самой освященной мученической кровью тулжуркѣ, которая многихъ привела къ истязанію и разстрѣлу.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Въ первой части настоящей книги я старался дать по возможности сжатую, но полную картину тѣхъ жертвъ, которыя выпали на долю московскаго студенчества за послѣдніе три мѣсяца 1905-го года. Чтобы достигнуть этой цѣли, я долженъ былъ урѣзывать всѣ подробности, сокращать цитаты изъ газетъ. Это позволило мнѣ набросать цѣльную картину; но съ другой стороны я не былъ въ состояніи воспользоваться нѣкоторыми весьма важными матеріалами, которые въ общей картинѣ заняли бы слишкомъ много мѣста. Эти матеріалы я позволяю себѣ собрать въ настоящей второй части. Я выбираю описаніе четырехъ эпизодовъ изъ декабрьскихъ событій, каждый изъ которыхъ занимаетъ яркое мѣсто въ исторіи этихъ кровавыхъ дней, а въ заключеніе привожу два не требующихъ комментаріевъ документа, изъ которыхъ первый разъясняетъ, какъ готовились октябрьскіе погромы, а второй, какъ предписывались декабрьскіе разстрѣлы.

1. Въ манежѣ.

(„Дѣло Народа“ № 8 отъ 11 мая 1906).

Членъ Государственной Думы С. В. Аникинъ получилъ матеріалы въ видѣ свидѣтельскихъ показаній и письмо отъ П. Р. Романова, крестьянина Саратовской губ., Петровскаго уѣзда, Козловской вол., с. Козловки, въ которомъ послѣдній описываетъ ужасную картину убійства его сына, К. П. Романова, студента спб.-скаго технологическаго института, 12 декабря 1905 года въ гор. Москвѣ.

Это убійство — одно изъ тысячи тѣхъ, которыя какъ

нельзя лучше характеризуют кровавый разгуль дубасовского произвола, царившаго въ декабрскіе дни въ Москвѣ.

Послѣ горячихъ пожеланій „силы и крѣпости свято и полезно нести тотъ святой крестъ“, который возложенъ на С. В. Аникина, какъ избранника народа, крестьянскаго представителя, П. Р. Романовъ переходитъ къ біографіи своего убитаго сына и рассказываетъ, какъ его сынъ, петербургскій студентъ, очутился въ Москвѣ въ это кровавое время.

К. П. Романовъ, въ виду закрытія высшихъ учебныхъ заведеній, не желая терять дорогого времени, переѣхалъ въ Москву и здѣсь поступилъ въ ходожественную школу Мѣшкова. Въ концѣ ноября онъ принялъ участіе своими картинами въ художественной выставкѣ, по окончаніи которой условился съ отцомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву посмотреть картины сына, пріѣхать въ Саратовъ къ роднымъ.

„29 ноября,— пишетъ отецъ-Романовъ,— я уѣхалъ изъ Москвы въ Саратовъ. Сынъ проводилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги, и мы съ нимъ сердечно распрощались и... навсегда.

Черезъ два дня забастовала рязанско-уральская дорога, по которой я пріѣхалъ. Почта и телеграфъ уже не работали.

Настаетъ 20 декабря и 24. Желѣзныя дороги, почта и телеграфъ начали функционировать, а сына нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Нѣтъ также и никакихъ свѣдѣній. На первый день праздника Рождества Христова, 25 декабря, я получаю въ Саратовѣ письмо отъ тов. прокурора московскаго окружнаго суда 5 участка г. Гордзялковскаго отъ 19 декабря 1905 г. съ роковымъ извѣщеніемъ, что сынъ нашъ, Константинъ Петровичъ Романовъ, убитъ въ Москвѣ 12 декабря 1905 г.

Представьте, дорогой Степанъ Васильевичъ, наше, родителей, душевное состояніе! Кровь застыла въ жилахъ, и мы съ семьей находились въ столбнякѣ нѣсколько дней. Господи! Что мы пережили—высказать и описать невозможно“.

Приводимъ копію письма товарища прокурора московскаго окружнаго суда 5 уч. Гордзялковскаго отъ 19 декабря 1905 г.:

М. г. Къ переданному мнѣ полиціей для дальнѣйшаго направленія дознанію, приобщено ваше письмо отъ 6 ноября 1905 г., писанное студенту технологическаго института Константину Петровичу Романову. Усматривая изъ письма ваше родственное отношеніе, считаю своимъ долгомъ извѣстить васъ о несчастной судьбѣ, постигшей вашего родственника, увѣренный, что вы предпочтете худшія свѣдѣнія неизвѣстности, въ которой вы могли бы пребывать весьма долгое время. 12 декабря Романовъ и нѣкій Степанъ Григорьевичъ Моховъ были задержаны вечеромъ коннымъ разъѣздомъ. Такъ какъ у нихъ были найдены револьверы, кинжалъ и значительное количество прокламацій, то они были отправлены на гауптвахту въ Кремль. По заявленію караула, Романовъ и Моховъ намѣревались бѣжать, вслѣдствіе чего караулъ стрѣлялъ въ нихъ; Романовъ оказался убитымъ, Моховъ же тяжело раненымъ. Моховъ проживаетъ въ Москвѣ въ д. Котова, по Волхонкѣ, въ настоящее время помѣщенъ на излѣченіе въ Голицынскую больницу. Полагаю, что отъ него вы можете получить болѣе подробныя свѣдѣнія о вашемъ родственникѣ. Подпись: тов. прокурора Гордзялковскій.

По полученіи этого извѣстія родители Романова, отецъ и мать, выѣхали въ январѣ мѣсяцѣ въ Москву. На основаніи цѣлаго ряда свидѣтельскихъ показаній, въ томъ числѣ—показаній лежавшаго сильно израненнымъ въ Голицынской больницѣ Мохова, котораго они посѣтили 5 разъ, а также на основаніи осмотра трупа убитаго сына, родители установили, что сообщеніе тов. прокурора Гордзялковскаго съ начала до конца наглая ложь. Имъ удалось возстановить картину звѣрскаго убійства до мельчайшихъ подробностей.

Вотъ что рассказываетъ объ убійствѣ С. Г. Моховъ:

„12 декабря 1905 г., въ 6 или 7 часовъ вечера, въ Москвѣ я, С. Г. Моховъ, бывший учитель гимназій, шелъ къ себѣ въ квартиру въ д. Котова на Волхонку. Случайно встрѣтилъ студента с.-петербургскаго техно-

логического института К. П. Романова, состоявшего ученикомъ въ художественной рисовальной школѣ г. Мѣшкова въ Москвѣ, который шелъ навѣстить свою родную сестру Р. П. Стишеву съ мужемъ и дѣтьми, квартировавшими тоже въ домѣ Котова на Волхонкѣ. Мы пошли вмѣстѣ. Когда мы выходили изъ Антипьевскаго пер. на Волхонку мимо строящагося зданія музея, намъ перерѣзала дорогу по Волхонкѣ конный разъѣздъ драгунъ челоѣкъ до 150. Послѣдовало окрикъ: „Стой! руки вверхъ“ и пр. На вопросы, есть ли оружіе, я, Моховъ, и Романовъ передали имъ имѣвшіеся у насъ револьверы. Затѣмъ потребовали деньги. Я, Моховъ, передалъ имъ свой кошелекъ съ пятью рублями. К. П. Романовъ, передавая имъ свой кошелекъ съ мелкими деньгами, добавилъ: „даю вамъ отъ чистаго сердца“. Обыскъ и пр... послѣ чего драгунами было сказано: „Мы васъ имѣемъ право убивать, какъ собакъ, и бросать, гдѣ попало“.

Я, Моховъ, и Романовъ, объяснили имъ, что мы — мирные жители, идемъ въ квартиры, которыя отъ насъ въ слѣдующемъ кварталѣ. На это драгуны никакого вниманія не обратили, а, окруживши насъ, потребовали идти за ними. Когда мы проходили мимо д. Котова, мы снова просили отпустить насъ домой. На это драгуны отвѣчали смѣхомъ и добавили: „Вы считайте за особую честь, что мы ведемъ васъ въ манежъ“.

Привели и ввели насъ въ манежъ, наполненный войскомъ и лошадьми. Вышелъ къ намъ, судя по отличительнымъ знакамъ на погонахъ, полковникъ, въ сопровожденіи челоѣкъ десяти офицеровъ. Не спрашивая насъ, кто мы такіе, онъ разразился на насъ бранью и ругательствами. Началъ надъ нами всячески издѣваться: „Смотрите, какіе они блѣдные, видимо утомлены — день и ночь не спятъ, а занимаются революціонными дѣлами“ и т. п.

К. П. обращается ко мнѣ съ вопросомъ: „Неужели насъ убьютъ?“

Я ему отвѣтилъ, чтобы онъ не задавался такими вопросами.

Хотя я и не подавалъ отчаяннаго вида и бодрился, но по озвѣрѣвшимъ лицамъ окружающихъ драгунъ, да и самого ихъ начальника, кромѣ сквернаго и рокового ожидать было нечего.

Полковникъ во все время нахождения нашего въ манежѣ (около часа) противъ насъ ужасно злобствовалъ, относился дерзко, ругательски и цинично. Окружавшіе же его офицеры зловѣще молчали.

Какъ мнѣ пришлось узнать, драгуны были сѣмского полка.

Въ манежѣ насъ вновь обыскали, у меня, Мохова, было съ собой два номера газеты рабочей партіи. Это въ глазахъ ихъ усугубило нашу виновность. При обыскѣ у К. П. Романова вынули письмо его отца, болѣе же у него совершенно ничего не было.

Вдругъ мы слышимъ: „Смерть, смерть, смерть!“

Кто это говорилъ изъ окружавшихъ насъ, драгуны или офицеры, и по чьему это было адресу, не знаю.

Офицеры, окружавшіе полковника, очень предупредительно относились къ нему; изъ нихъ — одинъ, другой, третій и т. д. обращались къ полковнику, испрашивая порученія себѣ расправиться съ нами. Мы обратились къ офицерамъ, проси ихъ защиты. Молчаніе.

Изъ всѣхъ окружавшихъ офицеровъ, могу сказать, только одинъ намъ симпатизировалъ.

Затѣмъ изъ группы офицеровъ выдѣлился одинъ молодой безусый, подошелъ къ намъ, окруженнымъ драгунами, и началъ насъ устанавливать межъ входныхъ дверей манежа“.

Затѣмъ Моховымъ описывается продолжительная процедура устанавливанія и исканія для убійства укромнаго угла.

„Въ это время — продолжаетъ Моховъ, — мимо насъ прошелъ изъ манежа полковникъ съ офицерами. Вновь наша просьба къ офицерамъ о защитѣ, и опять

съ ихъ стороны гробовое молчаніе. Со стороны же полковника опять на насъ злобно выброшенные ругательства и на этотъ разъ даже замѣчаніе офицеру за медлительность.

Приказъ, отданный полковникомъ, дать полную разнузданность драгунамъ. К. П. Романова кучка драгунъ оттащила лѣвѣй отъ меня, отъ входа изъ манежа шаговъ на двадцать, и я его уже потерялъ изъ виду.

Насталъ роковой моментъ — драгуны по командѣ обнажили сабли, скрестивши ихъ... Мнѣ на голову посыпались сабельные удары. Инстинктивно я поднялъ правую руку защитить голову и почувствовалъ, что и кисть руки перерублена; одновременно я почувствовалъ штыковой ударъ въ правый бокъ. Какъ подкошенный, я свалился, обливаясь кровью, на мерзлый тротуаръ.

Одинъ изъ драгунъ хотѣлъ еще попробовать на мнѣ свой револьверъ, но другой его остановилъ, сказавъ, что де и такъ навѣрное уже все кончено. Чтобы удостовѣриться въ моей смерти, одинъ изъ нихъ припадаетъ къ моему лицу, беретъ коробокъ со спичками, зажигаетъ и зажженной съ огнемъ спичкой начинаетъ опаливать мнѣ брови и рѣсницы глазъ; вторую же, зажженную съ огнемъ спичку вставляетъ мнѣ въ ноздри. Скрѣпившись, съ невыносимыми болями, все это я перенесъ.

Послышалось заключеніе драгуна: „онъ мертвъ“. Тогда они оставили примѣнять ко мнѣ инквизицію, а приступили къ мародерству. Стащили съ ногъ у меня сапоги съ резиновыми галошами, оставивъ меня въ однихъ носкахъ; обшарили мои карманы, вынули карманные серебряные часы съ цѣпью. Я же старался лежать безъ движенія, истекая кровью. Сознаніе меня не оставляло. Что было съ К. П. Романовымъ по сосѣдству, сказать не могу; слышна была только возня, такая же, какъ и со мной, и его слова, просившія о защитѣ. Этимъ было все покончено...

Сколько я лежалъ въ такомъ положеніи, опредѣлить не могу, но едва ли долго.

Въ это время стояли сильные холода, и я началъ испытывать сильный ознобъ, лежа безъ обуви и фуражки. Кромѣ того, при паденіи на тротуаръ бывшее на мнѣ ватное пальто скинулось съ одной руки и держалось только на другой, отпахнулось въ сторону, слѣдовательно, мнѣ пользы не приносило.

Послышался шорохъ; подъѣхалъ какой-то фургонъ, или что то похожее на это. Меня берутъ за ноги и вбрасываютъ на этотъ фургонъ.

Очутившись въ новой обстановкѣ, я чувствую, что со мной по сосѣдству въ фургонѣ лежитъ такой же несчастный, но уже мертвый.

Узнать, кто такой, было невозможно. Къ моему лицу прикасались чужія безъ обуви ноги, мои же ноги касались чужой лежащей головы.

Нашъ экипажъ ѣхалъ по улицѣ, окруженный драгунами.

Ѣхали не долго. Всматриваюсь — ввозятъ точно куда-то во дворъ. Различаю силуэты части. Останавливаемся во дворѣ; насъ окружили еще новыя личности, видимо полицейскіе.

Какъ я ни крѣпился, чтобы не выдать свою угасающую жизнь, но лихорадочная дрожь совершенно пересилила, и я болѣе не въ силахъ былъ удержаться отъ нестерпимой боли — началъ стонать, чѣмъ и произвелъ между окружавшими насъ видимый переполохъ. Послышались слова: „Одинъ изъ нихъ живъ“. Вызвали фельдшера. Осмотрѣвъ меня, онъ подтвердилъ, что одинъ изъ привезенныхъ живъ.

Это обстоятельство удержало ихъ выкинуть меня, какъ мертвого, а пришлось внести меня уже болѣе осторожно въ пріемный покой и положить на койку.

Если бы я, лежа у манежа или при перевозкѣ отъ манежа въ участокъ въ фургонѣ, неосторожно про-

явилъ хотя малѣйшій признакъ жизни, — увѣренъ, что меня прикололи бы.

Въ пріемный покой на мое счастье вскорѣ пришелъ докторъ. Осмотрѣвши меня, онъ и фельдшеръ сдѣлали мнѣ перевязку, и этимъ остановили текшую изъ головы, бока и руки кровь.

Видя мое тяжелое состояніе и угрожающую потерю сознанія, докторъ осторожно сдѣлалъ мнѣ опросъ — имя, отчество, фамилію и званіе; словомъ, кто я такой. Я сказалъ, онъ записалъ. Затѣмъ я спросилъ доктора о товарищѣ по несчастію и объ его судьбѣ. Докторъ сказалъ, что ничего о немъ не знаетъ. Все-таки полюбопытствовалъ, кто онъ такой, и снова записалъ.

Остатокъ ночи я провелъ въ пріемномъ покоѣ участка. Утромъ, 13-го декабря, въ каретѣ меня отправили въ Голицынскую больницу въ сопровожденіи фельдшера, который отнесся ко мнѣ очень заботливо. Дорогой я его просилъ, чтобы по перевозкѣ меня онъ сообщилъ о роковомъ случаѣ со мной сестрѣ К. П. Романова, Р. П. Стишевой, просилъ его запомнить сообщенный мной ему адресъ.

По осмотрѣ въ больницѣ у меня оказалось — рублена кожа на головѣ сабельными ударами, проломы черепа, но не глубокіе, перерублены два пальца правой руки, указательный и средній, и штыковая рана въ правомъ боку.

Этотъ рассказъ С. Г. Мохова записанъ съ его словъ отцомъ Романова въ больницѣ и подписанъ Моховымъ, Романовымъ и шестью присяжными повѣренными москов. окружного суда: гг. Калантаровымъ, Николаевымъ, Коновицеромъ, Зарембо и др. Подлинникъ находится у названныхъ присяжныхъ повѣренныхъ.

13 декабря 1905 года сестра Романова, Стишева, была извѣщена фельдшеромъ о судьбѣ ея брата и тотчасъ же отправилась въ Голицынскую больницу навѣстить С. Г. Мохова.

Въ больницѣ ей пришлось долго ждать, такъ какъ Моховъ, весь обвязанный и забинтованный, находился въ безсознательномъ состояніи.

Придя въ себя, онъ передалъ ей вышеприведенный рассказъ и совѣтовалъ немедленно отправиться въ арбатскій участокъ искать брата, такъ какъ онъ, Моховъ, предполагаетъ, что трупъ, который везли вмѣстѣ съ нимъ въ фургонъ, вѣроятно, былъ трупъ ея брата.

Р. П. Стишева, окончательно убитая извѣстіемъ, послала въ участокъ своего мужа, А. М. Стишева, который рассказалъ о своемъ путешествіи слѣдующее:

14 декабря 1905 г. я пришелъ къ арбатскому участку. Свободнаго прохода туда нѣтъ, на охранѣ стоятъ нѣсколько вооруженныхъ винтовками солдатъ и требуютъ немедленно уходить, угрожая разстрѣломъ. Опасаясь проклятыхъ выстрѣловъ, я ушелъ.

Случайно захожу въ находящееся наискось противъ участка похоронное бюро г. Котова, гдѣ и высказалъ свое горе.

Завѣдующій бюро объясняетъ, что ему пройти въ участокъ есть возможность: у него есть туда пропускъ. Благодаря любезности завѣдующаго бюро, онъ, пройдя въ участокъ, убѣдилъ офицера, допустить меня въ участокъ для опознанія убитаго родственника.

Съ различными трудностями я прихожу въ участокъ. Вводятъ меня во дворъ участка и растворяютъ старый сарай.

Я пришелъ въ ужасъ, потому что въ сараѣ находилось до десяти труповъ несчастныхъ, не лежащихъ, а скорѣе скорчившихся, и въ такихъ страшныхъ позахъ, что волосы становятся дыбомъ.

Несчастные, находясь въ предсмертной агоніи отъ нанесенныхъ имъ смертельныхъ ранъ, испускали свой духъ.

Скорчившись, съжившись подъ вліяніемъ мороза, все это застывало, превращаясь въ обмерзлый, облитый своею собственною кровью, чурбанъ. Большая часть

мертвецовъ не имѣла на себѣ верхней одежды, а тѣмъ болѣе обуви.

Страшно, горько и обидно было смотрѣть на несчастныхъ, получившихъ роковую долю отъ рукъ своего же брата.

Однимъ изъ такихъ несчастныхъ мертвецовъ оказался К. П. Романовъ, котораго опознать было легко.

Онъ лежалъ на землѣ вверхъ лицомъ съ открытыми, остеклѣвшими глазами и полуоткрытымъ ртомъ, вытянувшись во весь ростъ. Изъ костюма на немъ были слѣдующія вещи: простая голубая рубашка и брюки; не оказалось сапогъ съ галошами, пальто, пиджака, жилета, часовъ и шляпы.

На лѣвой части груди находился громадный сгустокъ, бугоръ замерзшей крови. Голова представляла ледяной кровавый комокъ, и вся фигура окровавленная, обмерзшая...

Опознавъ своего убитого родственника, я просилъ въ участкѣ выдать мнѣ его трупъ, но это не такъ было легко получить. Формальностей, сопряженныхъ съ личнымъ страхомъ, было очень много.

На четвертый день трупъ былъ выданъ.

Въ похоронномъ бюро лица, обмывавшія К. П. Романова, свидѣлствуютъ слѣдующее: голова, затылочная часть, вся разрублена саблями; кисть лѣвой руки, очевидно защищавшей голову, разсѣчена наискось сабельнымъ ударомъ и кости изъ раны торчатъ: въ области груди и живота пять или шесть колотыхъ ранъ, по всей вѣроятности штыковыхъ (форма ихъ треугольная); одна изъ ранъ приходится ниже лѣваго соска въ сердце. Всѣ раны нанесены спереди и холоднымъ оружіемъ. Сзади же какъ спины, такъ и ниже, никакихъ ранъ не было; также не было огнестрѣльныхъ ранъ.

Съ убитого снята фотографическая карточка въ гробу. Похороненъ онъ 18 дек. 1905 г. на Ваганьковскомъ кладбищѣ въ Москвѣ въ могилѣ за № 4639.

Сопоставляя свидѣтельскія показанія и результаты осмотра трупа, видимъ ясно, какая наглая ложь въ извѣщеніи тов. прок. Гордзялковскаго.

Вѣрно въ этомъ извѣщеніи только то, что К. П. Романовъ убитъ 12 дек. 1905 года и лишь за то, что при немъ оказался револьверъ, о которомъ отецъ убитаго пишетъ слѣдующее:

„Найденный у него револьверъ попалъ къ нему случайно и подаренъ ему его крестнымъ отцомъ, живущимъ въ Москвѣ на предметъ самообороны отъ черносотенцевъ и хулигановъ, свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ въ концѣ октября по избіенію учащейся молодежи, ломившихся въ ихъ двери и окна.

Въ бытность мою въ Москвѣ сынъ мнѣ объ этомъ говорилъ и показывалъ самый револьверъ, что мнѣ тогда же подтвердилъ и его крестный отецъ, И. В. Ворожейновъ.

Да въ то время и не возбранялось еще имѣть таковой. Распоряженіе о выдачѣ оружія послѣдовало въ тотъ день, когда мой сынъ былъ убитъ“.

Заканчиваетъ свое письмо, обращенное къ С. В. Аникину, Романовъ слѣдующими словами:

„Какъ отецъ, какъ гражданинъ, я требую суда надъ убійцами моего юноши-сына. Я поручаю вамъ и покорно прошу васъ, своего крестьянскаго представителя въ Государственной Думѣ, добиться свѣта, добиться правосудія въ этомъ кровавомъ ужасномъ дѣлѣ, предать все это дѣло гласности въ Государственной Думѣ, прессѣ и судѣ. Я прошу, умоляю васъ, не откажите мнѣ въ этомъ, несчастному отцу съ семействомъ. Пусть палачи-убійцы моего сына понесутъ должную и справедливую кару за ихъ звѣрское преступленіе!..“

II. На Прѣснѣ.

(Показаніе „Москвича“ напечатанное въ № 8 „Молвы“ отъ 8 янв. 1906 г.)

Безъ всякой причины я былъ арестованъ и избитъ солдатами Семеновскаго полка въ воскресенье 18 декабря, въ 10—11 час. утра, когда проходилъ съ Кудринской площади на Кудринскую улицу. Отвели меня къ Горбатову

мосту въ какую-то рамочно-багетную фабрику (кажется Брея) и все время, когда вели, казаки, городовые и солдаты били нагайками; нѣсколько разъ отъ ударовъ въ затылокъ я летѣлъ кубаремъ. Все это дѣлалось на глазахъ у проходившей и проезжавшей публики.

Въ этомъ пунктѣ за воскресенье были слѣдующіе арестованные: 1) студентъ Моисеевъ. Брата его разстрѣляли (какъ ему сообщилъ офицеръ) за день до того. Онъ самъ добровольно явился въ этотъ пунктъ, такъ какъ обѣщали это хозяйкѣ квартиры (или дома), въ противномъ случаѣ долженъ былъ быть разстрѣлянъ ее домъ; 2) какой-то вольноопредѣляющійся Перновскаго полка въ статскомъ; 3) Филаретовъ — депутатъ съ фабрики Щербакова; 4) двое какихъ-то студентовъ (братья); 5) какой-то еврей зубной врачъ, служившій источникомъ безконечныхъ надругательствъ и осыпавшійся бранью за еврейское происхожденіе; 6) нѣсколько рабочихъ. Двое изъ числа арестованныхъ, состоящихъ на государственной службѣ, были отпущены къ вечеру.

Разговаривать между собой мы не могли, такъ какъ дежурившимъ солдатамъ данъ былъ приказъ заколотъ насъ штыками при малѣйшей попыткѣ разговаривать. Въ 9—10 ч. вечера къ намъ явился какой-то жандармъ или приставъ и ужасно издѣвался надъ нѣкоторыми изъ арестованныхъ: Моисеевымъ, Филаретовымъ, зубнымъ врачомъ. Филаретову онъ съ видомъ громовержца кричалъ: „Я тебя помню, разъ я тебя самъ арестовалъ за какую-то забастовку, а теперь ты еще депутатъ! Покажу я тебѣ, мерзавецъ!“ — и слово мерзавецъ повторялось безъ числа все съ большимъ повышеніемъ голоса. Наконецъ, насъ оставили въ покоѣ.

Голодные (пищи намъ не давали), на сильномъ холодѣ (въ неотопленной конторѣ фабрики) мы размѣстились на полу. Въ 4 часа утра насъ разбудилъ рѣзкій окликъ офицера: „Ну, вставай! Моисеевъ, пожалуйста“. Изъ оконъ *) видно, какъ промелькнули тѣни: офицера, Моисеева, а за нимъ солдата. Проходить $\frac{1}{2}$ —1 минута. Раздается тутъ же

*) На дворѣ было свѣтло, какъ днемъ. Солдаты передъ вечеромъ подожгли нѣсколько домовъ, и яркое пламя освѣщало улицу.

гдѣ-то совсѣмъ близко залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Черезъ минуту офицеръ снова возвращается. „Филаретовъ (при немъ ничего не нашли), пожалуйста!“ И снова черезъ минуту залпъ. Снова возвращается офицеръ. „Стройся всѣ! Выходи на улицу всѣ вмѣстѣ“. Мы переживали ужасныя минуты. Мелькала у всѣхъ насъ мысль, что насъ разстрѣляютъ всѣхъ вмѣстѣ. На улицѣ насъ окружили конвоемъ. Картина была ужасная. Кругомъ войска, солдаты, пушки, горячіе дома и абсолютная тишина. Рѣзко раздается голосъ офицера. „Казакъ съ нагайкой, сюда! Вольноопредѣляющійся! Скидывай брюки!“ И вотъ онъ лежитъ на снѣгу при трескучемъ морозѣ. Солдатъ прикладомъ держитъ голову, а казакъ сбъчетъ, сбъчетъ... Мы въ ожиданіи нашей очереди. Но чаша сія насъ миновала. Насъ повели въ трактиръ, въ которомъ сидѣли солдаты. Не буду описывать насмѣшекъ надъ нами. Наше положеніе было еще тягостнѣе своею неопредѣленностью, своею неизвѣстностью. Опять явился нашъ слѣдователь и раскричался, почему насъ держать въ тепломъ помѣщеніи. Насъ вывели на дворъ и снова мы на холоду (двое были совсѣмъ безъ верхней одежды и шапокъ). Наконецъ, послѣ того, какъ мы сильно продрогли, насъ повели во второй Прѣсенскій участокъ (кажется, онъ такъ называется).

Насъ переписали и повели въ камеру. Чтобы пройти въ помѣщеніе для камеръ, нужно пройти дворъ. Насъ буквально провели сквозь строй, и когда мы проходили, насъ лупили, чѣмъ попало. Когда мы сбѣгали съ крылечка, тамъ стояли съ дубинками, и ими прогуливались по нашимъ головамъ и спинамъ. Когда мы сбѣжали внизъ, внизу стояли солдаты со штыками и не пускали насъ бѣжать. Въ такомъ кругу мы простояли нѣсколько минутъ. Укрыться отъ ударовъ было некуда. Затѣмъ насъ нарочито (это было совсѣмъ не нужно) повели въ помѣщеніе солдатъ, дежурившихъ въ этой части, и тамъ насъ опять избили. Затѣмъ еще одинъ корридоръ, еще одно крылечко съ препятствіями и мы, наконецъ, въ новомъ вѣдомствѣ — полиціи. „Теперь васъ бить не будутъ“, утѣшала насъ городской. Насъ ввели

въ камеру, въ которой были уже арестованные: такимъ образомъ насъ собралось 17 человекъ въ камерѣ величиной въ 3 шага длины и 5 шаговъ ширины. Всѣ улежся мы не могли. Одна половина стояла или сидѣла на полу, а другая, тѣсно сомкнувшись, лежала на нарахъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ камерахъ не было парашекъ и къ намъ водили людей изъ этихъ камеръ для отправления своихъ нуждъ. Къ сожалѣнію и спать не было возможности изъ-за клоповъ, кишмя наполнявшихъ камеру. Камера напоминала собой больничный лазаретъ. Всѣ съ повязанными головами, щеками, свернутыми челюстями, съ колоссальнѣйшими синяками. Многіе до того были избиты, что не могли ни сидѣть, ни лежать. Одного наборщика изъ типографіи Сытина 2 казака били въ грудь. Поставили его къ стѣнкѣ и били локтями. Онъ тамъ же началъ харкать кровью. Одного помощника фармацевта избili до полусмерти.

Прошло 2 дня. Въ среду утромъ 21 или 26 чел. со всѣхъ камеръ вызвали во дворъ и подъ усиленнымъ конвоемъ повели на Прохоровскую фабрику. Опять безконечное глумленіе, мытарства и, главное, полная неизвѣстность. А солдаты все кричатъ: „На Ходынку васъ поведемъ, всѣхъ разстрѣляемъ!“

На Прохоровской мануфактурѣ насъ собралось человекъ 100—150. Большинство — рабочіе отъ Прохорова, сахарнаго завода, отъ Шмидта и т. д. Начался допросъ. Его производилъ въ одной группѣ вышеупомянутый офицеръ, въ другой сначала какой-то полковникъ, а потомъ какой-то офицеръ, выпившій, съ бѣлымъ крестомъ на груди. Всѣхъ арестованныхъ распредѣлили на 3 группы: 1) комната налѣво — смерть; 2) направо — неопредѣленное; 3) группа, предназначенная для сѣченія. Освобождались только тѣ, которые свою голову выкупали указаніемъ 2—3 другихъ. Тутъ же можно было наблюдать ужасающія сцены: молоденькій студентикъ инженернаго училища — Алексѣй Григорьевъ, лѣтъ 19, попалъ безъ всякихъ причинъ. Шелъ съ отцомъ мимо Прѣсенскаго участка. Его задержали, отца не арестовали. Изъ разговора съ нимъ я вынесъ впечатлѣніе,

что совсѣмъ зеленый еще. Вдругъ выскакиваетъ какой-то рабочій и говорить: „Ваше бл-діе — это нашъ главный ораторъ“. И его повели въ комнату налѣво. Какая-то баба, когда освобождали одного (очевидно, выдававшего) закричала: „Да какъ же вы отпускаете главнаго нашего дружинника?“ Его снова повели въ застѣнокъ, оттуда немного позже его снова выпустили, причемъ офицеръ говорилъ: „Ну, покажемъ же мы бабѣ“. Бабу повели въ лѣвую комнату, затѣмъ она криками и мольбами добилаь того, что ее отвели направо. Въ такомъ напряженномъ состояніи мы провели весь день. Въ 5 часовъ вечера нашу партію вызвали во дворъ, а затѣмъ по одному вызывали къ военному суду, состоявшему изъ докладчика — офицера Семеновскаго полка, двухъ жандармскихъ полковниковъ (въ штатскомъ) и одного какого-то военного генерала или полковника.

Слѣдователь съ видомъ человека, рассказывающаго смѣшной анекдотъ дамамъ на балу, велъ доклады приблизительно слѣдующимъ образомъ:

„Вотъ представляю вамъ — оригинальный субъектъ-дворникъ, въ тоже время ораторъ при ихъ бывшей забастовкѣ. Il faut le fusiller“. — „Certainement“, — отвѣчали судьи и онъ выходилъ.

Или такимъ образомъ: „Портной безъ работы, но позволяеть себѣ упоминать городовымъ о какой-то чести. Его, конечно, избиваютъ... А онъ, наглець, ударяетъ городского“. И опять его уводятъ въ сторону. Въ общемъ выяснилось слѣдующее: это вполне достоверно и изъ рассказовъ коллегъ по аресту и изъ выслушанныхъ мною докладовъ. Арестованнымъ, сѣченнымъ и разстрѣленнымъ можно быть за слѣдующее: 1) за длинные волосы — у рабочаго, принятаго за студента; 2) за бѣлую папаху; 3) за смуглый цвѣтъ кожи, если принимали за жида; 4) за студенческую туужурку подъ пальто; 5) разстрѣляли одного студента, у котораго нашли въ одномъ карманѣ красный платокъ, а въ другомъ какую-то революціонную пѣснь. 6) Арестовали одного пожилого кассира желѣзной дороги, у котораго табакъ завернуть въ красную бумагу, и его избиваютъ до

полусмерти. 7) За то, что не находили креста, и т. д. Словомъ, за каждую мелочь можно было быть высѣченнымъ и разстрѣленнымъ. Въ протоколахъ слѣдствія такъ и было записано: „За то, что шелъ не по самой короткой дорогѣ къ мѣсту назначенія“, „за бѣлую папаху“, „за подозрительные длинные волосы“ и т. д.

Насъ, оставленныхъ въ комнатѣ и обреченныхъ на сѣченіе, вывели на дворъ, окружили солдатами, вызваны были 4 казака съ нагайками, имъ было приказано сѣчь изъ всей силы, иначе имъ угрожали ихъ сѣчь, а затѣмъ нашъ слѣдователь, съ видомъ дирижирующаго танцами кавалера, сталъ выкликивать фамилія. Скидывались брюки, на голомъ снѣгу укладывали лбомъ въ землю. Одинъ солдатъ придерживалъ прикладомъ голову, а 4 казака сѣкли такъ, что волосы становились дыбомъ. Крики, стоны и вопли раздавались все время.

Я видѣлъ руки двухъ высѣченныхъ студентовъ. Они сначала напоминали рубленныя котлеты, а потомъ вспухли до ужаса. Всю партію, за исключеніемъ 5—6 человѣкъ, высѣкли. Во время того, какъ сѣкли, раздавались какіе-то залпы. Затѣмъ насъ оставили на дворѣ, гдѣ мы и стояли подъ градомъ насмѣшекъ солдатъ, сопоставлявшихъ холодъ погоды и теплоту нѣкоторой части тѣла. Въ это время мимо насъ проѣхали двѣ телѣги, на одной стояли возница и городской, на другой — городской стоялъ на грузѣ телѣги.

Солдаты, указывая на телѣги, говорили намъ: „Видите, какъ вашего брата разстрѣляли и какъ мясо развозятъ, такъ и васъ будутъ“. Да и по очертаніямъ груза на телѣгахъ, закрытыхъ рогожами, не было никакихъ сомнѣній, что это трупы. Думаю, что ихъ было до 30 человѣкъ. Насъ, невысѣченныхъ, вскорѣ отпустили. Остались одни сѣченные, которыхъ должны были освободить на другой день. Когда насъ выпускали, выводили для сѣченія новую партію съ 2 женщинами, какъ говорили солдаты. По дорогѣ намъ встрѣтилось 6 (шесть) возвращающихся телѣгъ съ городскими.

Когда насъ освободили, по нашей же просьбѣ, насъ сопровождали солдаты. Мы съ ними мирно разговаривали, и они тихо рассказали намъ, что вчера они въ промышленномъ училищѣ, на Мусской площади, разстрѣляли 26 человѣкъ (14 студентовъ и 12 студентокъ).

О судѣ говорить не приходится. Я не могу найти подходящаго слова для опредѣленія его качества. Слово „проституція“ было бы чрезчуръ нѣжнымъ, чистымъ для опредѣленія дѣятельности нашихъ слѣдователей. Жизнь наша находилась въ зависимости отъ двухъ молоденькихъ офицеровъ, ведущихъ между собой конкуренцію. О доказательствахъ вины не было и рѣчи.

Изъ числа арестованныхъ, по моему мнѣнію, двоихъ можно было причислить къ с.-д., одного къ к.-д., а остальные всѣ и рабочіе и интеллигенты — сѣрая публика, лучшимъ доказательствомъ чего служить то, что ихъ сѣкли и они это перенесли.

Москвичъ.

(Изъ № 8 „Молвы“)

Студентъ московскаго инженернаго училища Александръ Михайловичъ Григорьевъ, одѣтый въ штатскую шубу, отправился вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Михаиломъ Ксенофоновичемъ, гулять по улицамъ Москвы въ 2 часа дня 19 декабря. Дойдя до одной изъ заставъ, они возвращались и, увидя на стѣнѣ дома наклеенное новое обязательное постановленіе московскаго генералъ-губернатора, остановились прочесть его.

Въ это время проходилъ патруль изъ солдатъ; раздался обычный грубый окрикъ: „Стоять! Ни съ мѣста... Руки вверхъ!... Разстегивайся!...“ Оба разстегнулись, и когда солдаты увидѣли на молодомъ человѣкѣ студенческую тужурку, то повели обоихъ въ участокъ. Тамъ ихъ обыскали. При обыскѣ не оказалось ничего, кромѣ одного печатнаго экземпляра „Варшавянки“, изданія московской фирмы. По окончаніи обыска приставъ заявилъ, что студента арестуютъ на нѣкоторое время для выясненія его политической благонадежности. Отецъ отвѣтилъ на это, что пусть арестуютъ

ихъ обоихъ, что сынъ ни въ чемъ не виноватъ, ни въ какихъ исторiяхъ никогда не былъ замѣшанъ и что нѣтъ никакихъ основанiй его арестовывать. Не смотря ни на какiе доводы, студента Григорьева арестовали и отправили въ тюрьму, а отца грубо выпроводили изъ участка, пригрозивъ ему штыками.

Нужно замѣтить, что у отца это — единственный сынъ; самъ онъ принадлежитъ къ крупнымъ московскимъ домовладѣльцамъ, человекъ состоятельный, стариннаго патриархальнаго образа жизни. Его отецъ состоитъ до сихъ поръ церковнымъ старостой, не смотря на свой преклонный возрастъ.

Но каково же было удивленiе отца Григорьева, когда прошло нѣсколько дней, а сынъ его не возвратился. Это обстоятельство очень встревожило старика, въ особенности вслѣдствiе распространившихся слуховъ, что съ 21 декабря начали разстрѣливать на Ходынскомъ полѣ людей изъ числа арестованныхъ; ходили ужасные слухи, что каждую ночь доставляли изъ тюремъ арестованныхъ, въ черныхъ закрытыхъ каретахъ подъ конвоемъ; провѣряли ихъ по спискамъ и затѣмъ, когда, набиралось нѣсколько десятковъ несчастныхъ, пятью-шестью залпами разстрѣливали ихъ. Эти слухи, упорно циркулировавшiе среди московскихъ жителей, внушали ужасъ въ каждомъ человекѣ, котораго забирали въ тюрьму или задерживали на улицѣ. Для большинства родственниковъ, друзей и знакомыхъ судьба арестованныхъ была въ полной неизвѣстности; никакихъ свиданiй, справокъ нельзя было получить. Эти слухи потому такъ упорно держались и поддерживаются теперь, какъ факты вполне достоверные, что въ эту мѣстность посылались наряды полиции, ѣздили по ночамъ тюремныя кареты съ конвоемъ, слышались по ночамъ залпы ружейныхъ выстрѣловъ, говорившiе о какой-то ужасной кровавой тайнѣ, въ которую непосвященному проникнуть не было возможности, сообщенiй же о своихъ „карательныхъ дѣйствiяхъ“ московская администрация не дѣлала.

Конечно, такiя извѣстiя волновали сердце бѣднаго старика, находившагося въ полнѣйшей неизвѣстности относи-

тельно судьбы своего сына. Никакiя хлопоты, просьбы разрѣшить ему свиданiе съ нимъ не имѣли успѣха; вездѣ ему было отказано.

Ужасная тайна могла умереть. Раскрыть ее помогла одна барышня, которая правильно рѣшила, что, на основанiи распространившихся слуховъ о самосудѣ на Ходынкѣ, надо искать студента Григорьева среди труповъ — въ амбарахъ, сараяхъ, а не въ тюрьмахъ и полицейскихъ домахъ.

Корреспондентъ видѣлъ ее самъ и спрашивалъ, какъ удалось ей найти разстрѣленный трупъ Григорьева.

Со слезами на глазахъ, съ тяжелымъ чувствомъ только что пережитаго, она рассказала, что слухи о разстрѣлахъ людей на Ходынкѣ настолько правдоподобны, что у нея блеснула мысль начать розыски среди мертвыхъ, а не живыхъ.

Имѣя большую протекцію, ей удалось осмотрѣть въ нѣсколькихъ участкахъ сараи съ трупами.

24 декабря въ 11-мъ часу дня въ одномъ изъ такихъ сараевъ она отыскала среди множества другихъ труповъ убитыхъ людей, дорогой ей трупъ студента Григорьева, пронизанный пулями.

Въ заключенiе нельзя умолчать о томъ, что на ряду съ такими ужасами правительственнаго произвола совершается открытый грабежъ: золотые часы съ цѣпочкой, серебряный портсигаръ съ эмалью, золотой медальонъ, два золотыхъ креста на золотой цѣпочкѣ, дорогая мѣховая шуба — все это пропало. Даже сапоги оказались снятыми.

III. Въ Голутвинѣ.

(Показанiе подполковника Н. Сергѣева, напечатанное подъ заглавiемъ „Убийство“ въ № 1 „Руси“ отъ 17-го янв. 1906 года).

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ отъ 20 декабря (№ 325) была напечатана корреспонденция о томъ, что произошло 18 декабря на станціи Голутвино Московско-Казанской желѣзной дороги. Въ ней говорилось: „На станціи Голутвино произошла стычка.

Станція была занята отрядомъ забастовочнаго комитета, и какъ на станціи, такъ и около нея стояли толпами рабочіе съ коломенскаго машиностроительнаго завода. Лишь только войско начало высаживаться, какъ подверглось обстрѣливанію со стороны толпы собравшихся. Семеновцы дали нѣсколько залповъ. Были убитые и раненые. Забастовщики и рабочіе бросились бѣжать, подбирая и унося убитыхъ и раненыхъ. Все это — совершенная неправда. Ничего подобнаго не было. А было вотъ что:

Около 11 часовъ утра къ ст. Голутвино тихо приближался поѣздъ съ баталіономъ л.-гв. семеновскаго полка подъ командою полковника Римана и двухъ оберъ-офицеровъ — Сиверса и какъ мнѣ называли, но кажется невѣрно, Штипа. Солдаты, не доѣзжая станціи, выскакивали изъ вагоновъ, имѣя ружья на-готовѣ. Когда поѣздъ остановился, полковникъ Риманъ вошелъ на платформу и скомандовалъ, чтобы всѣ лица, находящіеся на платформѣ, шли на вокзалъ. Въ вокзалѣ полковникъ приказалъ обыскать машиниста Харламова, у него найденъ былъ револьверъ, и Харламовъ сейчасъ же былъ убитъ лично полковникомъ выстрѣломъ изъ револьвера. Здѣсь же случайно находился запасной унтеръ-офицеръ. Унтеръ-офицеръ этотъ, вопреки приказанію полковника, пытался уйти съ вокзала, и тоже былъ убитъ лично полковникомъ. Тутъ же полковникъ жестоко избилъ служащаго на заводѣ г. Потапова за то, что у 10 — 11 лѣтняго сына его оказалась книжка съ запрещенной пѣсней. Начальника ст. г. Надежина и его помощника г. Шелухина полковникъ приказалъ взять подъ арестъ. Арестованы были конторщикъ Якубовскій, 16 лѣтъ (найдена книжка съ марсельезой) и служащій въ депо Костогоровъ. Одинъ изъ служащихъ на желѣзной дорогѣ, нѣкто Тупицынъ, подвергнутъ былъ допросу „съ пристрастіемъ“. Отъ него требовали, чтобы онъ назвалъ лицъ, состоящихъ въ забастовочномъ комитетѣ. Такъ какъ въ Голутвинѣ никакого забастовочнаго комитета не было, то Тупицынъ, понятно, не могъ указать такихъ лицъ. Ему дали 25 м. на размышленіе, обѣщая затѣмъ расстрѣлять, если онъ не исполнитъ требованія

полковника. За 5 м. до срока вновь обратились къ нему съ требованіемъ; Тупицынъ повторилъ первое показаніе, т. е. никакого забастовочнаго комитета въ Голутвинѣ нѣтъ. Его повели расстрѣливать, но вскорѣ воротили назадъ и отпустили живымъ.

Со станціи семеновцы, съ полковникомъ во главѣ, отправились въ с. Боброво, прилегающее непосредственно къ вокзалу. По указанію мѣстной полиціи прежде всего пришли къ дому, гдѣ квартировалъ завѣдующій заводскимъ театромъ г. Дорфъ. У него въ это время находились: пом. присяжн. пов. В. А. Тарарыковъ, студенты А. І. Сапожковъ и Н. А. Свищевъ и рабочій Д. А. Зайцевъ, приглашенные на завтракъ: жена г. Дорфа — пекла въ это время пирожки. Обыскали квартиру, нашли два револьвера. Студента Свищева отпустили, остальныхъ же, т. е. Дорфа, Тарарыкова, Сапожкова и Зайцева взяли подъ стражу солдатъ и отправились вмѣстѣ съ ними обыскивать другіе дома и квартиры по указанію полицейскихъ служителей. Оружія нигдѣ больше не находили, тѣмъ не менѣе взяли подъ стражу 18 человекъ. Брали по какому-то привезенному съ собой списку, брали и безъ списка. Такъ, рабочій, Михайлъ Пушкивъ былъ обысканъ на улицѣ противъ заводской конторы, у него ничего не нашли; но Пушкиву пришла фантазія посмѣяться надъ солдатами, онъ крикнулъ имъ: „А шапку-то не обыскали!“ и его тоже забрали. На станціи искали членовъ забастовочнаго комитета, на заводѣ искали дружинниковъ. Дружинники дѣйствительно были; но дружина сформировалась здѣсь для самообороны противъ коломенской черной сотни, выказавшей свои разрушительныя наклонности 22 и 23 октября нападеніемъ на земскій домъ во время митинга и угрозами по адресу интеллигенціи.

Всѣ забранные семеновцами на станціи и на заводѣ 22 человека были арестованы въ вагонѣ, а часа черезъ два или три, въ сумеркахъ, расстрѣляли за два раза 11 человекъ, въ числѣ ихъ начальника станціи и его помощника. Трупы были убраны на ночь въ вагонъ, а на другой день утромъ зарыты въ общей могилѣ на Бобровскомъ кладбищѣ.

Были убійства отдѣльных лицъ и послѣ. Всего убитыхъ на станціи и на заводѣ 27 человѣкъ. Осиротѣвшая семья начальника станціи состоитъ изъ жены и 7 человѣкъ дѣтей; у жены г. Дорфа 3 дѣтей; послѣ Тарарыкова осталась дѣвочка 5—6 лѣтъ; послѣ Зайцева и нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ тоже остались семьи.

Итакъ, вотъ что было. Никакой побѣды надъ „врагомъ“ тутъ не было—тутъ только убивали мирныхъ и безоружныхъ людей. На заводѣ тоже не было ни забастовки, ни безпорядковъ, были только митинги въ заводскомъ театрѣ. „Русскія Вѣдомости“, такъ недовѣрчиво относящіяся къ случайнымъ корреспонденціямъ и письмамъ, по отношенію къ убійцамъ выказали чрезмѣрное легкомысліе *).

Крестьяне окрестныхъ селеній крайне возмущены. Они не допускаютъ мысли, чтобы приказаніе убивать безоружныхъ людей безъ формальнаго разслѣдованія ихъ вины и безъ суда исходило отъ высшихъ властей; они ожидаютъ, что полковникъ-убійца будетъ преданъ суду и получить заслуженную имъ кару.

Мѣстное общество надѣется, что совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ московскаго судебного округа возбудитъ дѣло по поводу этихъ убійствъ, такъ какъ въ числѣ жертвъ находится членъ адвокатской корпораціи В. А. Тарарыковъ.

Московский генералъ-губернаторъ въ объявленіи отъ 7 января называетъ клеветой варварское обращеніе и жестокія расправы войскъ съ мирными жителями. Убійства на ст. Голутвино и на коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ убѣдительно свидѣлствуютъ, насколько это клевета.

Подполковникъ Н. Сергѣевъ.

Гор. Коломна
9 января 1906 г.

*) Редакція „Русскихъ Вѣдомостей“ разъяснила, что она помѣстила замѣтку, какъ официальное сообщеніе телеграфнаго агентства.

IV. Убійство пр. д. Воробьева.

(Письмо г. Липне-Липскаго изъ № 15 „Молвы“ отъ 15 янв. 1906 г.)

Вчера мнѣ сообщили весьма интересный рассказъ изъ вполне достовѣрнаго источника объ обстоятельствахъ, сопутствовавшихъ убійству прив.-доц. Воробьева.

Въ домѣ, гдѣ проживалъ покойный профессоръ, живетъ прис. пов. Ершовъ. Входъ въ ихъ квартиры былъ съ одной площадки, дверь противъ двери.

Приблизительно за полчаса до совершенія убійства прис. пов. Ершовъ вышелъ изъ своей квартиры на улицу, чтобы во время запретныхъ дней немного подышать свѣжимъ воздухомъ, а больше для того, чтобы прогулять своихъ собакъ, которыхъ онъ большой любитель и которыя также состояли подъ нѣкоторымъ арестомъ, ради огражденія ихъ отъ происходящей въ то время цѣлой оргіи уличныхъ разстрѣловъ. Возвращаясь домой, онъ былъ крайне пораженъ, увидѣвъ свой домъ оцѣпленнымъ многочисленнымъ сонмомъ солдатъ и полицейскихъ. Не взирая однако на это, онъ, не останавливаясь, пытался войти въ свой подъѣздъ, но былъ грубо (у насъ вѣдь ничего неумѣютъ сдѣлать вѣжливо) остановленъ. Когда же г. Ершовъ заявилъ, что онъ живетъ въ этомъ домѣ, то одинъ изъ старшихъ „отряда“ сдѣлалъ распоряженіе впустить его. Добравшись до своей площадки, г. Ершовъ увидѣлъ у входной двери квартиры прив.-доц. Воробьева пристава Ермолова, съ которымъ онъ былъ знакомъ и который, какъ будто не зная г. Ершова, обратился къ нему, опять же грубо, съ вопросомъ:

— Вы куда?

— Къ себѣ въ квартиру,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда приставъ Ермоловъ, послѣ нѣкотораго размышленія, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій приказалъ, обращаясь къ своей свитѣ (онъ былъ съ цѣлой толпой городскихъ, солдатъ и дворниковъ), задержать г. Ершова на площадкѣ и не впускать въ квартиру, самъ же немедленно позвонилъ въ квартиру профессора. Дверь открылъ самъ профессоръ. Приставъ вошелъ въ переднюю, оставивъ дверь

открытой. Весь разговор его съ покойнымъ профессоромъ происходилъ въ передней и потому до слова былъ слышанъ всѣми оставшимися на площадкѣ. Войдя въ переднюю, представъ Ермоловъ, казавшійся совершенно покойнымъ, спросилъ профессора:

— Вы прив.-доцентъ Воробьевъ?

— Да.

— Вы подавали помощь раненымъ отъ имени Краснаго Креста?

— Да, я подавалъ помощь въ качествѣ хирурга всѣмъ безъ исключенія и безъ партійнаго различія. Это была моя нравственная обязанность.

Затѣмъ вдругъ приставъ, безъ всякой связи съ предшествовавшими вопросами, спросилъ профессора:

— Имѣете ли вы какое оружіе у себя?

— Да, имѣю револьверъ.

— А вы развѣ не знаете, что по распоряженію генералъ-губернатора воспрещается держать у себя оружіе?

Да, знаю, но у меня имѣется разрѣшеніе.

— Покажите.

Профессоръ поварачивается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ, чтобы, очевидно, добыть и предъявить требуемое письменное разрѣшеніе. Въ это время Ермоловъ производитъ выстрѣлъ въ затылокъ профессора и убиваетъ его на мѣстѣ. На шумъ выстрѣла выбѣгаютъ въ переднюю жена профессора и дѣвочка 12 лѣтъ, его дочь, и съ воплемъ спрашиваютъ пристава: „за что?“ Ермоловъ, ничего не отвѣчая и не производя никакого обыска въ квартирѣ, вышелъ на площадку (спрашивается: зачѣмъ же потребовалась вся эта обстановка, какъ оцѣпленіе дома войскомъ, вводъ понятыхъ въ домъ и задержаніе случайнаго свидѣтеля?). Здѣсь приставъ Ермоловъ опять обращается къ прис. пов. Ершову, который, какъ сказано выше, оставался задержаннымъ на площадкѣ, — съ слѣдующими вопросами, явно изобличающими этого человека въ симулированіи ненормальнаго своего состоянія:

— Вы, кажется, присяжный повѣренный Ершовъ?

— Да.

— Вы зачѣмъ—здѣсь?

— Я задержанъ здѣсь по вашему распоряженію.

— А вы видѣли какъ я убилъ Воробьева?

— Нѣтъ, ничего не видѣлъ.

Вслѣдъ за этимъ Ершовъ былъ отпущенъ, самъ же приставъ, какъ бы исполнивъ свой священный долгъ, спокойно удалился.

Не прошло часа времени, въ квартирѣ г. Ершова раздается рѣзкій продолжительный звонокъ. Выбѣжавшая на звонокъ въ переднюю прислуга немедленно возвратилась испуганная и сообщила г. Ершову, что явились полицейскіе и требуютъ, чтобы онъ немедленно вышелъ къ нимъ. Подъ неостывшимъ еще впечатлѣніемъ всего видѣннаго и пережитаго за какой нибудь часъ передъ тѣмъ, г. Ершовъ, крайне взволнованный, вышелъ въ переднюю. Здѣсь полицейскіе предъявили ему (опять же въ крайне грубой формѣ) требованіе немедленно одѣваться и слѣдовать за ними въ участокъ. По прибытіи въ участокъ оказалось, что онъ вытребованъ все тѣмъ же приставомъ Ермоловымъ. Когда г. Ершовъ представленъ былъ предъ очи пристава, тотъ, продолжая играть видимо роль ненормальнаго человека, только уже болѣе взволнованнаго, спросилъ:

— Вы зачѣмъ здѣсь опять?

— По вашему вызову черезъ полицейскихъ.

— Да нѣтъ же, вы мнѣ вовсе не нужны; мнѣ нуженъ дворникъ, а вы можете идти домой.

Конечно, г. Ершовъ, обрадованный, что вызванъ былъ лишь по недоразумѣнію, не успѣвъ почувствовать даже никакой по этому поводу обиды, поспѣшилъ выйти, чтобы возвратиться домой. Но не вышелъ онъ еще на улицу, какъ былъ настигнутъ полицейскимъ и представленъ опять къ приставу, который, не извиняясь даже за многократное безпокойство, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, вамъ неизвѣстно, какихъ убѣжденій былъ покойный Воробьевъ по отношенію къ настоящимъ волненіямъ?

— Положительно не знаю, хотя мы и жили въ одномъ домѣ.

— Вамъ неизвѣстно было, что онъ революціонеръ?

— Нѣтъ, этого положительно не зналъ.

— Мнѣ больше ничего не нужно отъ васъ, можете идти, сказалъ приставъ, и на этотъ разъ г. Ершовъ благополучно добрался до дому.

Каждому, прочитавшему эти строки и всѣ вообще предшествовавшіе газетныя, хотя и короткія, сообщенія объ этомъ изъ ряда выходящемъ убійствѣ, несомнѣнно, все здѣсь кажется неестественнымъ и подозрительнымъ, а потому, само-собой разумѣется, каждый благонамѣренный и безпристрастный человѣкъ, освѣдомленный хотя бы въ незначительной какой-либо детали этой ужасной драмы, обязанъ чрезъ посредство печати освѣщать это дѣло и поддерживать въ обществѣ интересъ къ нему, дабы оно не могло быть замято и предано забвенію, благодаря благосклонному вліянію на подобныя дѣла административныхъ властей.

Жутко становится при одной мысли, что мы дожили до такихъ сказочныхъ временъ, когда какой то заурядный, никому ненужный полицейскій врывается въ квартиру мирнаго обывателя, убиваетъ, за здорово живешь, выдающагося ученаго и полезнаго общественнаго дѣятеля, безъ всякой его вины, и обставляется такимъ образомъ, что видимо ожидается не только не понести строгое наказаніе, но надѣется, по всей вѣроятности, быть вознагражденнымъ и возвеличеннымъ по примѣру другихъ подобныхъ ему отличившихся героевъ. Судя по началу, расчеты Ермолова какъ будто оправдываются. Московскій генераль-губернаторъ, когда ему Ермоловъ лично доложилъ о происшедшемъ, спросилъ его:

— Какъ вы убили, защищаясь?

— Нѣтъ, въ затылокъ.

— Ну это скверно,—сказалъ вице-адм. Дубасовъ и, какъ будто извиняясь, добавилъ,—я васъ долженъ буду арестовать,—и дѣйствительно тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ арестѣ Ермолова. Но это видимо была только необходимая формальность, потому что Ермоловъ уже освобож-

денъ и даже не устраненъ, кажется, отъ должности. Это уже превосходитъ всякое совершаемое до сихъ поръ беззаконіе, потому что, даже допуская возможность потрясенія душевнаго состоянія человѣка, въ такомъ старомъ, издававшимъ разные виды, полицейскомъ чинѣ, какъ г. Ермоловъ, нельзя уже оставить его на свободѣ за дѣяніе, совершенное имъ хотя бы и въ аффектѣ, иначе всякая необузданность имѣла бы, какъ это уже все болѣе и болѣе практикуется, широкое примѣненіе, и государству пришлось бы отказаться отъ охраны общественнаго порядка и спокойствія.

Влад. Липпе-Липскій.

V. Два официальныхъ документа.

1. Какъ подготавливались октябрьскіе погромы.

(Изъ № 3 газеты „Мысль“ отъ 22 іюня 1906 г.)

Калужскій землевладѣлец,
Дѣйствительный Ст. Сов.,
Алексѣй Максимовичъ Лавровъ.
Октября 12, 1905 г.,
Знаменская ул., № 12,

*Ваше Сіятельство,
Глубокоуважаемый Князь
Михаилъ Михайловичъ.*

Отечество наше въ опасности; захваченная въ преступныя руки евреевъ печать толкаетъ въ безвѣріе интеллигентные классы и тяжелымъ кошмаромъ спускается на народъ. Всѣ погрязли въ своихъ личныхъ дѣлахъ и отвратились отъ общей матери-Россіи. Евреи захватываютъ всѣ первы нашей государственной жизни. Золото — земной богъ жидовъ, обѣщанный имъ Мессія, дѣлается въ ихъ рукахъ вседержавіемъ. Многіе русскіе люди, забывши, что въ годину несчастій Россія только и сильна была самодержавіемъ, готовы отказаться отъ него. Гдѣ же спасеніе Россіи? Въ единеніи людей долга и чести, которые самоотверженно, открыто поведутъ народъ на этого одолевашаго Русь врага, какъ Мининъ и Пожарскій подняли его на защиту отечества. Содѣйствовать

пробужденію этого сознанія и имѣть цѣлью настоящая записка. Придите же Вы, *Ваше Сіятельство*, на помощь патріотическому дѣлу и распространеніемъ этого призыва помогите народностямъ Россіи прозрѣть и освободить себя отъ нынѣшняго гнета евреевъ и еще худшаго въ будущемъ. Если каждый, любящій свое отечество, каждый священникъ, каждая волость будутъ имѣть этотъ призывъ къ борьбѣ съ еврействомъ, то подобно тому, какъ капля долбитъ камень, добрыя слова пробуждаютъ народы Россіи и сплотятъ ихъ едино для борьбы съ общимъ упорнымъ врагомъ.

Покорно прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности *Вашего Сіятельства вѣрнаго слуги*.

А. Лавровъ.

Къ этому краснорѣчивому документу, редакция газеты прибавляетъ слѣдующее. Оригиналъ набранъ на пишущей машинѣ; рукой вписаны только тѣ слова, которыя набраны у насъ курсивомъ, откуда видно, что письмо циркулярное, что, впрочемъ, видно и изъ содержанія его. Алексѣй Максимовичъ Лавровъ, скромно именующій себя калужскимъ землевладѣльцемъ, состоялъ въ то время при министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Редакция, къ сожалѣнію, не можетъ установить въ точности, кто такой князь Михаилъ Михайловичъ, но у нея есть основаніе думать, что онъ занимаетъ высокій постъ въ провинціальной администраціи.

Редакция обращаетъ еще вниманіе читателей на дату — 12 октября. Погромы готовились въ тѣ самые дни, когда редактировался уже манифестъ о конституціи и свободахъ. Готовили нападеніе на общество съ тыла въ то самое время, когда на фронтѣ вели съ нимъ переговоры о мирѣ.

2. Какъ предписывались декабрскіе разстрѣлы.

(Изъ книги В. Владимірова: „Карательная экспедиція“ стр. 7—9).

Копія.

„15 декабря 1905 г., № 349.

Дополненіе къ приказу по лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

Г. Москва.

I.

16 сего декабря назначается экспедиція по Казанской желѣзной дорогѣ на станціи: Перово, Люберцы и Коломна.

Начальникомъ отряда назначается полковникъ Римапъ I.

Составъ отряда

отъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка:

9 рота: капитанъ Швецовъ, подпоручики Альбертовъ 2-й и Макаровъ.

10 рота: капитанъ фонъ-Сиверсъ 1-й, поручикъ Поливановъ и подпоручикъ фонъ-Фохтъ.

11 рота: штабсъ-капитанъ Назимовъ 2-й и подпоручики Шарнгорстъ и Романовскій.

12 рота: капитанъ Зыковъ и подпоручикъ Шрамченко.

14 рота: капитанъ фонъ-Тимротъ 1-й, подпоручики фонъ-Крузенштернъ и фонъ-Минихъ.

15 рота: капитанъ Майеръ, подпоручики Фалѣевъ и Никаноровъ.

2 орудія — 2-й батареи л.-гв. 1-й артиллерійской бригады.

2 пулемета 5-й туркестанской пулеметной роты.

Цѣль и назначеніе отряда захватить станцію Перово, обыскать мастерскія и строенія по указанію становаго пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго.

Отыскать главарей Ухтомскаго, Котляренко, Татаринскаго, Иванова и другихъ, по указанію князя Вадбольскаго и подполковника Смирницкаго. Уничтожить боевую дружину. Исполнивъ задачу, оставить на ст. Перово одну роту, поручивъ ей охрану станціи и окрестнаго района.

Оказывать содѣйствіе правительственнымъ желѣзнодорожнымъ агентамъ для возстановленія движенія. Затѣмъ слѣдовать въ Люберцы, гдѣ занять станцію, произвести обыски селенія завода, въ остальномъ дѣйствовать такъ же, какъ въ Перово.

Общія указанія: арестованных не имѣть и дѣйствовать безпощадно. Каждый домъ, изъ котораго будетъ произведенъ выстрѣлъ, уничтожать огнемъ или артиллеріею.

По возможности падать и охранять всякія желѣзнодорожныя сооруженія, необходимыя и полезныя для обслуживания желѣзной дороги.

На станции „Сортировочная“ оставить одну роту, назначеніе которой — не допускать движенія поѣздовъ въ Москву, заграждая путь шпалами, выбрасывая сигналъ „остановка“, и въ случаѣ неповиновенія открыть огонь.

Имѣть строгое наблюденіе за телеграфными аппаратами.

Далѣе отряду двинуться на ст. Коломна, гдѣ произвести обыскъ и осмотръ и остаться впредь до особаго распоряженія.

Перевязочные пункты устроить: одинъ пунктъ на ст. Перово (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ) и второй на ст. Люберцы (одинъ врачъ и одинъ фельдшеръ).

О дѣйствіяхъ отряда и о результатахъ его начальнику отряда полковнику Риману 1-му представить мнѣ подробное донесеніе.

Подлинное подписалъ: командующій полкомъ,
флигель-адъютантъ полковникъ Минъ.

Вѣрно: полковой адъютантъ,
подпоручикъ фонъ-Брюммеръ“.

Приказъ розданъ въ 9 час. вечера.

Конецъ второй части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Списокъ студентовъ, убитыхъ въ октябрѣ-декабрѣ 1905 г. въ Москвѣ и подъ Москвою	3
Предисловіе	7

Часть первая

1. Октябрскіе дни. Подготовка студенческихъ погромовъ въ печати и въ церквяхъ	12
Участіе администраціи	16
Избиеніе студентовъ въ Охотномъ Ряду 15 октября	17
Избиенія студентовъ казаками около манежа 16 октября	19
Полицейскія засады на Покровкѣ	20
Избиеніе въ церкви	21
Манифестъ 17 октября	22
Казацкая засада у манежа 18 октября	24
„Дни ужаса и позора для Москвы“ 21 и 22 октября	26
Нападенія на зданія высшихъ учебныхъ заведеній	33
Протесты общества противъ дѣйствій казаковъ и полиціи	34
Объявленіе прокурора Московской судебной палаты	34
2. Убіиство О. М. Генжиной въ Иваново-Вознесен. 16 ноября	35
3. Декабрскіе дни. Заявленіе Московскаго Генералъ-Губернатора о готовящемся разгромѣ Москвы	37
Были ли студенты, убитые во время прямыхъ стычекъ войскъ съ революціонерами?	38
Убіиства студентовъ—санитаровъ Н. А. Дударева и Е. В. Богословскаго	39
Убіиство пр.-д. В. В. Воробьева приставомъ Ермоловымъ	39
Убіиства студентовъ Лунца, Цѣхановскаго и Романова въ манежѣ	40
Труны студентовъ, убитыхъ у Горбатаго моста	42
Убіиства—казни братьевъ Моисеевыхъ и А. М. Григорьева	44
Студентъ, застрѣленный и разстрѣленный у Горбатаго моста	47
Убіиство—казнь А. Сапожкова въ Голутвинѣ	49

Отношеніе Городской Думы и Совѣтовъ высшихъ учебныхъ . заведеній къ декабрскимъ разстрѣламъ	50
Особыя милости войскамъ и казакамъ въ благодарность за . подавленіе московскаго возстанія	53
„Не плачьте надъ трупами павшихъ борцовъ!“	56

Часть вторая

1. <i>Въ манежѣ.</i> Убіиство—казнь студента К. П. Романова по № 8 газеты „Дѣло Народа“	59
2. <i>На Прѣснѣ.</i> Показаніе Москвича изъ № 8 газеты „Молва“ . Убіиство—казнь студента А. М. Григорьева изъ той же газеты .	69 75
3. <i>Въ Голутвинѣ.</i> Показаніе полковника Сергѣева изъ № 1 газеты „Русь“	77
4. Убіиство пр.-д. В. В. Воробьева приставомъ Ермоловымъ изъ № 15 газеты „Молва“	81
5. Два официальныхъ документа	85
I. Какъ подготовлялись октябрскіе погромы. Изъ № 3 га- зеты „Мысль“	85
II. Какъ предписывались декабрскія убійства—казни. Изъ книги В. Владимірова „Карательная экспедиція“	86

ДБ
420
К 62

Н. К. Кольцовъ.

доцентъ Московскаго Университета.

ПАМЯТИ ПАВШИХЪ.

Жертвы изъ среды московскаго студенчества
въ октябрскіе и декабрскіе дни.

Доходъ съ изданія поступаетъ въ комитеты по оказанію помощи
заключеннымъ и амнистированнымъ.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА

1906